

101

ПРОЗАИК XXI ВЕКА

Александр
Матвеев

ГОРЛИЦА, ПТИЦА
БЛАГОНРАВНАЯ...

А в письме было
всего несколько
фраз: «Антон,
Мария не твоя дочь.
А могла быть твоей.
Я тебя любила. Мне
недолго уже осталось.
Не хочу уходить
с грехом. Прости, если
сможешь. Лилия».
На следующий
день утром Антон
Кулаковский
отправил Марии
телеграмму:
«Доченька! Буду
в Саратове через два
дня. Целую. Папа».

Александр Иванович Матвеев
Горлица, птица благонравная...
Серия «101 прозаик XXI века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57120425

*А. И. Матвеев. Горлица, птица благонравная...: Издательство «У
Никитских ворот»; Москва; 2020
ISBN 978-5-00170-060-9*

Аннотация

Проза Александра Матвеева, живая и атмосферная, о простом человеке и его чувствах. Характеры выписаны так реалистично, а чувства переданы так глубоко, тонко и искусно, что не сопереживать героям невозможно. В рассказах Матвеева заметна серьёзная прозаическая школа: здесь и «лёгкое дыхание» Бунина, и мастерство психологического анализа Куприна. Кто бы ни выбрал эту книгу, читатель взыскательный или снисходительный, она станет пищей для ума и отдохновением для души.

Содержание

Правдиво и про людей	5
Молчание Шурика	10
Рассветное утро старика Кавецкого	21
Дочь из прошлого	28
Такая беспощадная любовь	39
Брошенная	49
Певица	56
Дульсиня из Киева	67
Маруся	78
Голые женщины, или Необычные способности Ивана Голощепкина	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Матвеев

Горлица, птица благонравная...

© Матвеев А. И., 2020

© Полонская М. А., составитель, 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Правдиво и про людей

Проза Александра Матвеева – атмосферная. И атмосфера эта удивительная. В первых двух новеллах рассказывает о двух смертях в одном селе. Казалось бы, должно быть пронзительно грустно. Да, так и есть. Но грусть эта светла. Образы Тимофея Кубасова и Степана Кавецкого – образы выдающихся стариков, которые не только достойно бытовали в старости, но и приняли кончину стоически. Тёплый быт украинского села – это те декорации, в которых любые действия напитываются целительной силой природы и незатейливого радушного быта. Сделано мастерски:

«Стемнело, а Степан Кавецкий продолжал сидеть на бревне. Вспомнились молодые послевоенные годы. Село бурлило: танцы в клубе, игры, вон даже в футбол и в волейбол по воскресеньям играли. Каждый год на Ивана Купалу разводили огромный костёр за селом. Искры до неба взлетали, а потом, когда огонь спадёт, поутихнет немного, с хохотом прыгали через него».

Матвеев никогда не набрасывается на своих героев, не торопит события, многие его персонажи имеют реальных прототипов, и он так бережно обращается с ними внутри текста, как обращался бы наяву. Но при этом он очень тонко выписывает психологические портреты, все его герои очень естественны, он ничего не придумывает, и от этого карти-

ны жизни, что он описывает, впечатляют и радостями, и печалью. Рассказ «Дочь из прошлого» из таких. Обыденная жизненная ситуация выводится на уровень почти шекспировской драмы, а тонкая, не прямая концовка заставляет думать о героях, сопереживать им и после прочтения. Меня поразило, как удачно уже умершего человека автор вплетает в повествование и заставляет влиять на события:

«А в письме было всего несколько фраз: „Антон, Мария не твоя дочь. А могла быть твоей. Я тебя любила. Мне недолго уже осталось. Не хочу уходить с грехом. Прости, если сможешь. Лилия“.

На следующий день утром Антон Кулаковский отправил Марии телеграмму:

„Доченька! Буду в Саратове через два дня. Целую. Папа“.

Матвеев умеет балансировать на грани художественной прозы и очеркистики с изяществом канатоходца. И из одного, и из другого жанрового колодца он пьёт исключительно чистую, кристального смысла воду. Из художественной прозы он не берёт много вымысла, вымысел ему ни к чему, позиция наблюдателя и богатство жизненных впечатлений вполне заменяют ему фантазийность, но все писатели знают, как опасно иногда слепо идти за жизнью в прозе. Ведь то, что увлекает в действительности, перенесённое на страницы, оказывается подчас просто набором банальных обстоятельств. Матвеев, как литератор опытный, преодолевает эти сложности реализма виртуозно. Во-первых, он пристально

следит за выбором материала, показывает людей сквозь свою творческую оптику, подсвечивая одни их черты и камуфлируя другие; во-вторых, он создаёт неповторимую стилистическую манеру, когда навигатор превращается в образ, сам он далеко не в каждом произведении участвует, но читатель ощущает, что он где-то рядом, что происходящее в тексте случилось в одних с ним реалиях; и, в-третьих, он невероятно естественно строит диалоги, каждого персонажа слышишь и, кажется, даже можешь угадать его тембр. А что в текстах Матвеева от очеркистики? Полное ощущение правды, правды не дидактической, а той, от которой струится дыхание вечности. Неслучайно о вечной жизни, о смерти, о бренности бытия герои Матвеева рассуждают достаточно часто.

Несмотря на то что Матвеев никогда не гонится за фальшивой вымученной экзотикой, круг тем, которых он касается в прозе, весьма широк. Кроме психологических парадигм, где автор как рыба в воде, его занимает чувственная сторона жизни. Он её изучает со всех сторон, от безотчётной страсти (рассказ «Брошенная») до исследования тончайших влюблённостей, о которых никому не скажешь. Вообще, эдакая бунинская нота Матвееву свойственна. И даже в произведениях, где в центре не совсем уточнённые субстанции, он умудряется повернуть всё так, что главное остаётся в подтексте, в полунамёках, в недоговорённостях. В этом Матвеев следует традиции большой русской прозаической школы, где

подтекст подчас важнее самого текста, а поэтический язык – царь всего. Думаю, Виктору Шкловскому книга Матвеева понравилась бы.

Как говорил бессмертный герой Юлиана Семёнова, всегда запоминается лучше всего то, что было последним. Поэтому для любой книги, состоящей из множества текстов, важно, какой рассказ автор помещает в конце. Это открывает нам его творческое кредо, говорит о его сегодняшнем настроении.

Эту книгу замыкает рассказ из цикла, который условно можно назвать кипрским, – «Стелайос из селения Пир-гос». Матвеев любит киприотов, много времени проводит на Кипре, наблюдает за кипрской природой с эстетским любопытством. В начале рассказа он замечательно описывает кипрскую осень, ту осень, что по нашим меркам – совершеннейшее лето, видно, как он тоскует по тому, что не во всём мире так, не везде природа так благожелательна к человеку. Дальше он с почти импрессионистской палитрой описывает незатейливую, трогательную историю, а завершает рассказ фразой:

«Наступило время сбора оливок – всё повторяется, и всё продолжается».

Что ещё добавишь?

Таков Александр Матвеев. Философ, психолог, замечательный рассказчик. Читайте его книгу и будьте счастливы, как он сам, когда пишет для вас.

Максим Замшев

Молчание Шурика

Рано утром в хату старика Степана Каведецкого без стука вбежала запыхавшаяся соседка, с порога крикнув по привычке: «Есть кто дома?» У нас в селе всегда без стука заходят в дом. А чего стучать? Хозяева и так слышат, как топают на крыльце и дверь ногой открывают.

– А где мне быть? – хмуро ответил Степан. – Чего в такую рань припёрлась?

На столе стояли бутылка с мутной жидкостью на доньшке и две рюмки. Одна рюмка была накрыта тоненьким ломтиком ржаного хлеба. Обычно весёлый старик Каведецкий на этот раз не был расположен к разговору.

– Степан, говорят, что Кубасов вчера умер в больнице, в Хмельницком. Ты слышал что-нибудь?

– Вот поминаю. Налить?

– За упокой его души. Царство ему Небесное. Отгулял. Отмаялся сердешный.

Помолчали. Через окно на стол упал тяжёлый луч раннего августовского солнца, осветив пустую бутылку, рюмки, немудрёную закуску – кусочки сала на тарелке, хлеб и пучок лука.

– Степан, сама слышала, как он в прошлом году, когда его Веру хоронили, сказал на кладбище: «Долго я не задержусь. Через год она меня к себе заберёт. Вот здесь моё место будет,

в её изголовье».

– А я другое слышал. Выпивали мы с ним. Я ему и сказал, не помню почему: «Доживи до моих лет, тогда узнаешь, что такое старость». Ему ведь только семьдесят семь исполнилось, а мне уже восемьдесят три стукнуло. А он возьми и ответь: «Когда мне будет восемьдесят, ты меня дома не застанешь». Вот и понимай сказанное покойным как знаешь.

– Наверное, думал, что вечно так будет по бабам бегать. Больно шустро бегал!

– Дура ты, Марфа. Теперь я его действительно дома не застаю.

Для села смерть Кубасова была полной неожиданностью. Был он довольно крепким стариком. Последние пятнадцать лет один справлялся с домашним хозяйством. Первые годы после того, как жена Вера заболела, даже корову держал и сам доил. В хозяйстве были куры, поросёнок, огород. По весне воткнёт рассаду огурцов или помидоров в землю, разок-другой заглянет к ним летом – прополет, подвяжет, а урожай на загляденье. Лёгкий был человек, и все это знали.

Кладбище за селом вширь и ввысь растёт. Сколько поколений там лежит! Некоторые фамилии со временем бесследно исчезли – никого не осталось. Вот, например, род Лещенко, Веры – жены Кубасова, какой большой был! Отец её, Фёдор Филькович – глава семьи, лежит на кладбище уже почти полвека. И мать – Марта Николаевна – похоронена рядом в восьмидесятых годах. А теперь в селе только дальние род-

ственники остались, близкие все ушли на кладбище. И Вера, добрая душа, в прошлом году переселилась к ним, не дожив несколько дней до восьмидесятилетия. Долго болела после инсульта. Всех жалела, всё понимала. Незаслуженно страдала. Жила – мучилась и умирала в муках. Перед самой войной семнадцатилетней девушкой выдали замуж за русского солдата-пограничника. Маленькая речушка Вилия разделяла Украину на две части: восточную и западную, на берегу реки стояла застава, на ней и служил Иван Кубасов, высокий и статный парень с Волги. Влюбился он в украинскую девушку, поженились, но не прошло и месяца, как война началась. Сгинул солдат в немецком плену. Аккуратисты-немцы даже справку прислали – умер. А Иван не просто умер: бежал из немецкого плена – поймали, били, от побоев и скончался. Кто-то видел солдата в немецком лагере, и весточка дошла до села уже после войны. Вера работала в колхозе, воспитывала сына, а в пятидесятых годах заехал в село младший брат погибшего мужа Трофим, чтоб свидеться с вдовой и с племянником познакомиться. Так и остался Трофим в селе, женился на вдове, и родила Вера от него сына Владимира. Трофим, в отличие от спокойного и рассудительного Ивана, был натурой вспыльчивой и любвеобильной. Обладал прекрасным музыкальным слухом и красивым голосом. Пел замечательно. Его звонкий тенор знали многие окрест: где свадьба или какое-нибудь другое празднество – обязательно приглашали Трофима. Без Трофима свадьба не свадьба. И физи-

чески был очень крепким. До самой старости за ним никто из молодых угнаться не мог. Пьяным его никто не видел, хотя выпить любил, но свою меру знал крепко. Светло-кари-ми яркими глазами и звонким голосом Трофим притягивал к себе взгляды женщин. По всем окрестным сёлам имел подруг. А лет двадцать назад сошёлся с молодкой Фроськой из соседнего села, при живом муже, и практически жил на два дома. Приворожила, говорят, Фроська его. Муж потом умер, а Трофим продолжал тянуть на своём горбу Фроськино хозяйство. Хотя и Веру не бросал.

К одиннадцати утра сын привёз из Хмельницкого отца в гробу. Последнюю неделю Владимир не уходил из больницы. Ухаживал за отцом день и ночь и никак не мог осознать случившееся. Странная история. Недавно был в селе, и всё было нормально. Отец не болел. А затем звонок, как гром среди ясного неба: упал дед с чердака в сарае и разбился. С улицы крики старика услышала соседка и нашла Трофима на бетонном полу. Медсестра Надя помогла, чем могла, и вызвала из района скорую помощь. Отправили деда в районную больницу, где в нейрохирургическом отделении ему сделали операцию с трепанацией черепа. Спустя какое-то время старик даже разговаривать начал, но не мог вспомнить, что с ним приключилось. Память как отшибло. Была надежда, что пройдёт время, поправится, и память вернётся. Но нет, потом ему стало хуже, потерял сознание. Отправили в область, в Хмельницкую больницу. Вот в этой больнице отец умирал

тяжело и мучительно. С трудом можно было до него докричаться, и тогда он глазами или лёгким пожатием руки показывал, что слышит. Слышал-то слышал, а сказать ничего не мог.

Так и осталось тайной для сына и для всей родни, что случилось в том злополучном сарае. Может, село и знает что-то, но никто ничего не говорит. Из отдельных фраз, намёков, каких-то нестыковок Владимир понимал, что случилось что-то неладное, но истины добиться не мог.

Похоронили Трофима Петровича Кубасова под вечер того же дня. Были певчие, как положено. Провожали на кладбище всем селом. Приехал сын Веры Алексей.

Когда отпевали в хате, у гроба стояли соседи, в основном старые и больные люди. Здесь была и баба Мидора, жившая одна на противоположной стороне улицы. Муж умер, дети давно разъехались, вот и доживает век одна. Еле стоит у гроба, утирая слёзы уголком платка. Так же стояла со слезами на глазах, когда в прошлом году хоронили Веру. Жалко ей Ку-басова. Безотказный человек был. А если что-то было не так, то – что теперь? Бог ему судья. Печально стояли старики и искренне жалели покойного, и себя жалели. Жизнь вспоминали. Не было радости в колхозе в молодости, нет счастья и в старости без колхоза. Всё чаще на похороны приходится ходить. Невольно смотрят друг на дружку и думают:

«Кто следующий?»

После похорон накрыли во дворе столы – стали поминать

покойного. В селе не принято говорить речей во время поминок. Люди поднимают рюмки и закусывают. И перебрасываются между собой какими-то незначительными фразами. Хотя всё, что говорится, всегда имеет значение, но для внимательного уха.

– Говорят, лук рассыпал на чердаке сушиться и лазил на чердак проверить. Не удержался и упал.

– А чего тот лук проверять? Сушится и сушится. Чем ему поможешь?

– И то правда. Лук без нас и растёт, и сушится.

Невдалеке сидит дворовый пёсик Шурик и внимательно слушает, наблюдая за происходящим. Даже еда его интересует не очень. Бросят кусок – съест не спеша. И опять слушает. При жизни хозяина он молча, без показушного лая на чужих людей, служил деду Трофиму. Не за кусок хлеба, из любви к хозяину. Люди удивлялись его преданности и чутью. Уезжает дед Трофим на велосипеде в соседнее село – Шурик проводит хозяина до шоссе, вернётся во двор и ждёт. А если задержится хозяин, выбегает на дорогу и смотрит, не появился ли из-за бугра Трофим. Если Кубасов уезжал на автобусе, то Шурик выбегал к остановке и встречал автобус. Небольшой, рыжеватого окраса Шурик – скромный представитель беспородных собак, которые знают своё место и свою роль в хозяйстве.

– Шурик всё знает: зачем Кубасов на чердак лазил и как всё было. Да сказать не может.

– А что же он ел? Нелька-то тоже в больницу ездила. Помогала Володе за отцом ухаживать.

Нелька – это соседка, крупная, здоровая и ещё не старая женщина. При жизни Кубасова она помогала ему по хозяйству. Да и за Верой последний год ухаживала.

– Ко мне Шурик ходил. Я ему молока давал и так... разной еды. Придёт во двор и смотрит. Как не дашь? – вмешался в разговор немногословный Павло.

Павло – пятидесятилетний мужчина, среднего роста, худой. Он вечно чем-нибудь занят. То скотину пасёт, то корма на ферму подвозит, то в собственном дворе ковыряется, что-то ремонтирует, то помогает огород кому-то вспахать. Он один из последних и надёжных людей – колхозник: колхоз как был, так и остался, хотя на бумаге новая власть разделила и закрепила землю за селянами. Но кто её в одиночку обрабатывает? Вот и передали землю по договорам в общее пользование. Так что колхоза как бы нет, но на деле он есть, потому что жив Павло.

– Две недели назад копали Ганке-костоправше могилу. Я из ямы не мог сам выбраться, а дядя Кубасов подтянулся на руках и выпрыгнул, – сказал вдруг молодой Старицкий.

Позднее, вечером, в узком семейном кругу стали обсуждать, как же мог покойный упасть с чердака.

– Как-то не укладывается в голове, что Трофим Петрович упал с чердака и разбился. Кто его видел в тот день? – вслух рассуждал Алексей, брат Володи по матери.

– Говорят, Фроська приезжала к нему с утра. И сын с ней был. Вроде они выпивали...

– Если выпивали, то без Нельки не обошлось. А она что говорит?

– Говорит, что в тот день была в селе Антоновке. Мол, алиби у неё имеется.

– Почему сразу – «алиби»?

– Знает что-то, а говорить не хочет, вот и ляпнула про алиби. Научил кто-то.

– Так что же получается? Дело пахнет криминалом?!

– Вряд ли. Но много непонятного. Почему-то никто ничего не говорит прямо, а между собой шепчутся. Вон Андрон, что через три хаты живёт, сказал Мишке Косому, что видел, как Фрося со своим великовозрастным сыном убежала огородами на автобус, – сказал Владимир с горечью и добавил: – Живут по принципу: моя хата с краю, ничего не знаю. Пока самих жареный петух в задницу не клюнет.

– Если она видела, как Трофим Петрович упал, и убежала, то это статья уголовная – неоказание помощи человеку в беде, когда его жизнь находилась под угрозой.

– Откуда она про такие тонкости знает? Увидела, что разбился. Побоялась, чтоб не подумали, что она столкнула деда с чердака, и сбежала.

– Говорят, что Фроська домогалась, чтоб он деньгами помог её сыну. Вроде лошадь у того украли.

– А вот Хмарчук, он частенько на рюмку к деду забегал.

Так на следующий день, как случилось несчастье, сказал, что никакой Фроськи там не было. А потом, когда выпивши был, стукнул по столу кулаком и рявкнул: «Была эта сука там, была! Но ничего никому говорить не буду».

– Бог им судья. Ничего не известно. Ничего не докажешь, – горестно проговорила Саша, жена Владимира. На том и расстались, и все разъехались: кто в Киев, кто в Москву. Хату закрыли на замок и ключ отдали Нельке, чтоб присматривала.

Во дворе остался один Шурик. Как он жил и чем питался, никто не знает. Может, Нелька подкармливала, может, сердобольный Павло давал ему еду, но когда Владимир приехал в село на сорок дней, то Шурик встретил его очень взволнованно. Он словно крутился вокруг невидимой оси, стонал, как бы пытаясь сказать что-то важное.

Оказалось, что Шурик каждый день бегал на кладбище и целыми днями сидел у могилы Кубасова. Посидит-посидит и бредёт понуро домой.

– Встретился мне как-то Шурик. Бежит, вижу, с кладбища. Посмотрел на меня, а в его глазах слёзы. Аж жутко стало, – рассказал Степан Кавецкий.

– Поминали Кубасова на девятый день. Пришли на могилку. Оставили там колбаску на газете, рюмку с водкой. Так я хотела переложить колбаску и протянула руку за ней. И что вы думаете? Шурик меня лапой по руке ударил, мол, не трогай! Я чуть в обморок не упала, – всхлипнула Нелька.

– Так, может, он сам колбаску съел? Шурик-то?

– И не понюхал даже... С нами убежал с кладбища.

На сороковой день пришли мужики, стали полукругом у могилы и спели деду Кубасову песню. Песню, которую он не раз просил, то ли в шутку, то ли всерьёз, спеть ему, когда он умрёт:

На рейде большом легла тишина,
И море окутал туман,
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:
Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море...

Почему именно эту песню? Ведь Кубасов никогда не был моряком. Может, в песне кроется тайна его несбывшейся мечты? Или тайна смерти? Кто теперь узнает?

Из-за тучи выглянуло солнце, щедро осветив кладбище, могилку и поющих мужиков, серьёзных и торжественных. Озарило во всю мощь тихое кладбище с современными памятниками и со старыми, почерневшими от времени крестами, свежий горб земли с новым деревянным крестом над ним.

На следующий день приехала в село милиция и стала опрашивать селян на предмет загадочной смерти Кубасова. Наконец-то спохватились. В частной беседе кто-то из милиционеров сказал, что не мог дед получить такую смертель-

ную рану от падения с чердака. Мог, не мог, кто сейчас докажет или расскажет что-то? Разве что Шурик. Но Шурик смотрит на всех с тоской в глазах и молчит.

Безмолвная и несчастная собачья жизнь.

Через полгода, весной, колхозный сторож ночью выстрелил в бродящих возле фермы собак. Может, от скуки выстрелил, может, по пьяному делу, – кто его знает? Голодные собаки часто прибежали на ферму в поисках еды. Но по странному совпадению дробь попала только в Шурика и убила его наповал. Как единственного свидетеля. И ушла вместе с Шуриком на веки вечные тайна смерти жизнерадостного Трофима Кубасова. Бегал-бегал к могилке хозяина и ушёл вслед за ним в мир иной.

Рассветное утро старика Кавецкого

Старика Степана Кавецкого ничего в этой жизни уже не радует. Совсем ничего. Жена умерла, друзья-старики ушли в мир иной. Даже выпить толком не с кем. Дело ведь не в водке. Важно, с кем пить и что при этом происходит в душе твоей, а может, и во всём мире. С хорошим, всё понимающим собеседником и помолчать за рюмкой в радость. Одно-годовал в селе, считай, никого не осталось. Кажись, недавно похоронили Трофима Кубасова. Не старый ещё был, а вот и он отошёл, сердешный. Степан уверен был, что Трофим его хоронить будет, – почти на пять лет моложе. Трофиму под восемьдесят было, а он по бабам бегал, как молодой. А вот оно как получилось... Ведь вместе тогда выпивали. Эх, да что там говорить! Не хочется даже думать об этом. Если б он тогда не ушёл, может, и жил бы Куба-сов. Упал с чердака. А эта, с Каменки, огородами сбежала. Как там было? Что там было? А Кубасова нет. И выпить по-настоящему, со вкусом, с песнями, с шутками не с кем. А с молодыми разве посидишь? Пьянь подзаборная. Не успеет рюмку опустошить, а уже пьян. И до дому не дойдёт – уснёт на дороге. С таким ни поговорить, ни помолчать за рюмкой.

Степан Кавецкий сидел у сарая на бревне и с тоской

смотрел на поленья дров. Готовит к зиме дрова, а пригодятся ли они? Всё делает по привычке: конец августа, днём ещё жарко, но он всегда в это время закладывал поленицу. В окне дома отражалось закатное солнце, словно пожар на селе где-то полыхал. Прислушался к щебету ласточек. Сидят, миленькие, рядком на электрических проводах и щебечут. Радуются последнему теплу. Вспомнил, как вернулся из армии и вот эту самую электролинию прокладывал. Своя электростанция в колхозе была, в селе Куневе, на реке Вилии стояла. Потом, конечно, отжила старушка своё, – село включили в общую украинскую систему электроснабжения. Где-то через год после армии женился на Нюре. Ждала его.

Печальное лицо старика Кавецкого осветилось изнутри, он даже слегка улыбнулся, но печаль снова, словно тучка солнце, накрыла его лицо. Два года уже как Нюры нет, а ему жить без неё невозможно. Дочь давно в городе устроилась. Наезжает с зятем по выходным, но нет радости от этих встреч. Ничего без Нюры нет.

– Степан, слышь, Степан! Володя Кубасов приехал. Просил передать, чтоб зашёл.

– А-а, Надька. Заходь, – оживился Кавецкий, услышав голос соседки.

– Не-е, не могу. Толик должен с заказчиком приехать. Пойду к столу соберу что-нибудь.

– А-а, тогда ладно. А я к Вовке пойду.

Он с непонятной для самого себя завистью посмотрел

вслед соседке. Живёт при сыне. У того маленькая пилорама. Покупает лес, распиливает брёвна под заказ и продаёт. Дело есть. А что его зять? В городе ютятся в съёмной комнатухе, плохо им там, а никак от города не отцепятся. А он тут один кукует. Они его не понимают, и он их не понимает. Может, так оно и лучше, что врозь. Да почти все старики в селе без детей остались. Как будто вымело людей из села. Нина Ходунова, что у шоссе живёт, давно одна. Дочь где-то в Ростовской области, наезжает изредка в отпуск. А сейчас разве наездишься, дорого всё. Сын, правда, недалеко, в Луцке, по несколько раз в месяц наведывается. Хорошие у Нины ребята. Её к себе сманивают, но она не соглашается. Столько лет прошло после смерти мужа... Ни во что не вмешивается, ни в каких сплетнях деревенских не участвует. В хате чисто, опрятно. Правда, на село уже не ходит – ноги болят. Летом-то ничего. Можно на скамеечке во дворе покалякать с бабами. А зимой сидит в хате у окошечка, наблюдает за жизнью деревенской и радуется жизни, ждёт, когда дети явятся. Приедут дети – ещё большая радость. Вспомнил дальнюю родню – Катерину Подайрук, мать Саши, жены Володи Кубасова. Почти всю жизнь, считай, одна прожила. С тех пор как оставила мужа Валерьяна. И дочь воспитала и замуж выдала, и с внучками нянчилась. Хорошо жила. Никто о ней плохого слова не скажет. Но теперь она, как и вся её родня, на кладбище уже лет семь обитает.

Он долго ещё перебирал в памяти семьи сельчан. Полу-

чалось, что село стариковское. Рабочих рук раз-два да и обчёлся. Заработков нет, что тут молодым делать? А с другой стороны, взять Надькиного Толика. Новый дом кирпичный заложил. Можно жить в селе, если с умом да не пить.

Стемнело, а Степан Кавецкий продолжал сидеть на бревне. Вспомнились молодые послевоенные годы. Село бурлило: танцы в клубе, игры, вон даже в футбол и в волейбол по воскресеньям играли. Каждый год на Ивана Купалу разводили огромный костёр за селом. Искры до неба взлетали, а потом, когда огонь спадёт, поутихнет немного, с хохотом прыгали через него. Он посмотрел на высыпавшие в небе звёзды. Вон маленький огонёк среди звёзд движется. Самолёт, наверное, а может, спутник. Этих спутников скоро будет больше, чем звёзд. Внезапно другой огонёк сорвался в вышине, полетел вниз и спустя мгновенье погас.

«Ещё одна земная душа улетела в бесконечность. Может, с моей Нюрой там встретится? Огромное небо, огромный мир. Что там? Какие ещё миры за теми звёздами, что нам с Земли видны? И где тот другой, незримый мир, куда переселилось несколько поколений из маленького села Долочьё? И Нюра там? И Кубасов? И Катерина? Сколько их там, и где они все умещаются? Она сколько за тыщи лет ушло с Земли людей».

Он тяжело поднялся с бревна и пошёл к Кубасову. Володя с Сашей ужинать не начинали, ждали Кавецкого. За ужином старик оживился, пропустил пару рюмок. Рассказывал

о послевоенном житье в селе. Лицо стало ласковым и добрым. Он перестал быть похожим на вечно колючего Степана Кавецкого, который любил подшучивать над всем и вся. Глаза его излучали тихий и печальный свет. Как будто он был здесь, за столом, но глаза видели что-то другое, может, это была вся его прошлая жизнь, или тайна какая звала и не отпускала. А может, он увидел то, что не могли видеть другие, – пришла пора, и ему стало возможным приблизиться к тому месту, откуда и прошлое, и грядущее как на ладони.

Назавтра утром Володя засобирился ехать на машине домой, в Киев. На улице было сыро – ночью дождик прошёл. Летом так бывает: днём жарит, спасу нет, а ночью пробежит скорый дождик, а то и короткий ливень. Утром благодать. Птицы поют пуще прежнего, солнце взойдёт в полнеба, а воздух, как говорится, – дышать и не надышаться.

«Эх, остаться бы здесь ещё на недельку! Так нет – ехать надо», – подумал, доставая воду из колодца, чтоб в дорогу с собой взять.

Перед отъездом забежал к Кавецкому занести продуктов. Была суббота. Старик сидел на кухне, как будто и не ложился спать.

– Дядя Степан, мы уезжаем. Позвонили на мобильный с работы. Вызывают. А вы что так рано встали?

– А я и не спал. С вечера не спалось, так до первых петухов глаз и не сомкнул. А потом заслушался. Ох и поёт-заливается Надькин маленький пёстрый петух! На всё село голо-

сит. Куда там моему увальню. Здоровый, а голос словно надтреснутый. Ещё Нюра, небожка, его завела. При ней пел на всю деревню, а после её смерти пропал у него голос. Хрипит.

Володя с удивлением посмотрел на старика: чтоб Ка-ведецкий рассуждал о пении петухов? Такого представить невозможно. У него всегда были разговоры о делах сельских да воспоминания, как оно раньше было. А тут смотрит в какую-то дальнюю точку голубыми, выцветшими глазами, словно невидящими.

– Ближе к утру мелкий дождик пробежал, так я вышел во двор, а небо чистое. Откуда тогда дождик? Как думаешь, Володя?

Не дожидаясь ответа, старик продолжил:

– Я сегодня, Володя, словно в первый раз рассвет увидел. Жизнь прожил, а рассвет вот так не встречал. Всё некогда было, всё бегом. А тут сижу на кухоньке, а в окне вдруг лучик блеснул. Вышел, а солнце над верхушками леса встало. А птички-то как поют! Вот истинно создания Божии, невинные.

Володя молчал. Понимал, что надо молчать. Старик вздохнул, умиротворённо улыбаясь:

– Не было в моей жизни таких рассветов. И Нюре не смог показать. Она, сердешная, солнце встречала на грядке. Не в небо смотрела, а в землю. Зато теперь, наверное, с неба смотрит. – Он опять вздохнул и добавил: – Лучше бы ты задержался ещё на денёк, Володя!

– Самому хочется, но вызывают. Надо ехать.

На том и распрощались. Старик Каведецкий ещё долго стоял у калитки, словно ожидая кого-то.

В дороге Кубасов задумался о последнем разговоре со стариком. Рассвет как рассвет был. Что в нём необычного? Володя любил на рассвете посидеть с удочкой у речки. Но ему в голову не приходило любоваться рассветом и кому-то об этом рассказывать.

«Как-то странно дядя Степан говорил, – рассуждал он. – Как будто со мной говорил, а сам уже где-то в другом месте находился. Может, он по дочери заскучал. Так она сегодня должна к нему приехать на выходные». Вечером ему позвонила Люся, дочь Каведецкого, и сказала, что отец умер. Приехали с сыном в обед и нашли деда сидящим за столом. Рука подпирала голову. Подумали, что уснул, а он уже холодный. Одет был во всё праздничное. Перед ним стояла полная рюмка самогонки, покрытая ломтиком ржаного хлеба.

На следующий день утром Володя Кубасов уехал в село на похороны старика Степана Каведецкого. Небо было затянуто сплошь тучами. Моросило. Погода повернула на осень.

Дочь из прошлого

Разбросала жизнь бывших сельчан кого куда. И в далёкой Америке есть земляки, и в Казахстане, и в России...

Что это за желание бросать родимый дом и ехать в чужие края?! Все друзья Антона Кулаковского уехали из села после окончания школы. Дальний родственник, Анатолий Каширин, моложе его лет на двадцать, тоже не задержался в колхозе. На телевизионного мастера выучился и в городе живёт. А он, Антон, в своё время очень хотел жить в селе. Но жизнь по-другому распорядилась: поступил чёрт знает как далеко в институт – в Днепрпетровске. В селе Заричья мать с тёткой остались бедовать без мужских рук. Какие там доходы от колхоза при вожде Никите?! Как молока от непокрытой коровы. Еле-еле ему денег на билет наскребли да торбу с немудрёными харчами собрали. А харчи-то?! Пшено, хлеб, сухари и самая главная ценность – кусок сала, который мать у соседей одолжила. Ох и выручило его это сало! И кулеш варили с ребятами в общежитии, и с хлебом ели вечерами, запивая чаем на травах.

Мысли о бедной юности промелькнули в голове Антона, пока он слушал путанный подход Анатолия (тот звонил!) к существу дела.

– Антон Станиславович, вы только не волнуйтесь, будь ласка! С вами дочь хочет поговорить. Ваша дочь, из Сарато-

ва приехала.

– Какая дочь? Какой Саратов? Что ты мелешь? – сорвалось у него с языка, но его тут же пронзила мысль-догадка: «Это от Лии, её дочь!»

Он услышал женские всхлипы в трубке и затем тихое:

– Папа, мама умерла.

– Ты кто? Как тебя зовут?

– Я – Мария. Лилии Ахметовны дочь.

– Господи, Лия умерла! Я ничего не знал о ней почти сорок лет. Но как же? Как же так? Дочь?!

– Папа, я хочу с тобой встретиться, посмотреть на тебя. Больше мне ничего не надо.

– Встретиться? Может быть, на хуторе Красиловка, до Заричья рукой подать? Нет, дома с Тamarой тебя примем! – усовестился Антон.

Иссяк телефонный звонок, словно ливень в летнюю жару, однако раскаты его грома громыхали в голове, а в душе сверкали молнии. Сердце бухало, в ушах стоял плач неизвестной женщины, назвавшейся дочерью, и вихри воспоминаний хлестали по щекам.

Он тяжело опустился на табуретку, обхватил голову руками. Хорошо, что Тамары нет дома. Как она отнесётся к такому известию? И правда ли это?.. А что, если – правда? Ведь дочь, его дочь... У них с Тamarой свои дети: и дочь, и сын, и внуки почти взрослые. Один сын погиб... И вот тебе... Новая, словно вчера родившаяся дочь...

На его крупном и ещё по-мужски красивом лице появилась мечтательность. Вспомнилось, как на третье лето он нагрязнул неожиданно в село на каникулы. Директор школы сразу предложил ставку учителя русской литературы в старших классах, а учиться – заочно. Это был шанс! Во-первых, в институте начались неприятности: его небольшую поэму «Казачья вольница» напечатали в институтской газете. Некто написал донос, усмотрев в поэме намёки на призыв к возрождению украинской вольницы. Чуть не исключили из института. Слава Богу, ректор оказался мудрым человеком: разобрался и защитил.

Кроме того, тяжело без поддержки из дому. И впроголодь приходилось жить, и подрабатывал на разгрузке вагонов. Во имя чего? Чтоб стать учителем в сельской школе среди своих земляков!

Сентябрь настал, и он вошёл в класс. Лия, Лия... Лет на пять старше его, умная, влекущая.

Помнится, директор заметил:

– Антон Станиславович, у вас с Лилией Ахметовной всё серьёзно или как? Судачат в селе...

– Дружим, а там посмотрим.

– Смотрите, чтобы не было поздно смотреть.

На том воспитательная работа закончилась. А через год Лии дали путёвку на курорт, а он поехал в институт на экзамены.

Лето пролетело как один миг. После курорта Лия гостила

у своих родных, а он в селе матери помогал. Как-то на речке заметил Тамару среди подруг. «Ну и фигура! – подумал. – Как же в школе не замечал её? Вся литая из меди. И красивая, и улыбчивая».

На танцах в клубе Тамара сама к нему подошла:

– Антон Станиславович, а я поступила в медучилище. Почему не поздравляете? С вашей оценкой, как-никак!

– Поздравляю.

– А вы на танец пригласили бы. Лучше всякого поздравления. Обзавидуются подружки.

Весь вечер протанцевал со вчерашней ученицей. Потом провожал до калитки, слова и чувства таяли, как время, надвигавшееся из облаков.

В середине августа вернулась Лия, у них с Тамарой к тому времени дальше невинных поцелуев украдкой дело не закрутилось, и всё-таки близость с Лией осыпалась, подобно осенним листьям после заморозков. На берегу речки Лия неловко намекнула ему, что ждёт ребёнка.

– Мы так не договаривались, – сказал он.

– А как? – спросила она.

...Снова телефонный звонок. Словно ветер сдул коллажи из той жизни: директор дал знать, что завтра силами персонала начнут ремонт школы. Замечательно! Занят на работе! У Тамары отгул, целый день вдвоём, и не сказать ничего о дочери из Саратова он не мог. Тем паче что жена всю эту историю досконально знает. Тогда ни он, ни Тамара не пове-

рили Лии, а потом у Лии родилась дочь – восьми месяцев, что и думать?! «Не бывает такого, чтоб восьмимесячный ребёнок выжил. Семимесячный выживает, а восьмимесячный – нет...» – отрезал сельский лекарь Бурдейный.

Родился ребёнок, и все его сомнения, подкреплённые расчётами, оправдались. Он сам тогда, на берегу реки, сказал, что сомневается в своём отцовстве.

Лия обиделась и молча ушла.

...Воспоминания растревожили, он стал не рад завтрашним декорациям, отговоркам, отсылкам, да и оставаться один больше не мог. Хотел поехать к Тамаре на работу – передумал. Что он ей скажет? Не готов он пока к разговору с ней. Не готов! И как Тамара воспримет?

Сложно начиналась их совместная жизнь. Всё было против их брака: беременная Лия, родители Тамары, любопытные, а то и осуждающие взгляды сельчан. Расписались тайно, вдалеке от райцентра. А потом ему удалось устроиться в Остроге, где они и зацепились на всю жизнь...

...Стоял посреди двора, погружённый в воспоминания. Сколько всего было! И хорошего, и плохого, если поковыряться. Только зачем?

Посмотрел в небо, на крест знаменитого на всю Украину храма. Солнечные лучи играли с раннего утра, отражаясь от золотого купола и креста... Красота-то какая!.. Ещё князья Острожские строили, а храм до сих пор стоит и радуется людям. Господи, столько лет храму! Род князей Острожских

растаял, исчез во времени, а память о них осталась. Нет, значит, не исчез род, память материализовалась в этой крепости и храме. Вот и он, немолодой уже Антон Станиславович, посмотрел на эту красоту и помянул мысленно князей. Слышат его там, на небесах? Подумалось: а что он сделал в земной жизни?.. Передал свою любовь к русской литературе и свои знания детям, лишённым судьбой слуха. Издал несколько книжек со стихами, увлёкся театром, много лет играл в народном театре Острога. Его заметили, даже приглашали на сцену в область. Тамара воспротивилась.

«Не ходи, Тоник, – попросила, – не будет у нас жизни с твоими гастроллями».

Послушался Тамару – любил её. И наверно, она была права. Засматривались на него девочки. Может, и не остерегся бы. И как тогда? А так прошла жизнь в любви и семейном согласии, правда, не без потрясений. Вспомнилось давнее, но не забытое горе: сын, – смахнул слезу с глаз. «Какой парень был!.. Красавец. Только из армии вернулся. Нелюди! Убили исподтишка и живут как ни в чём не бывало. Сгубили невинную душу. А сколько он мог сделать в этом мире?!» – думал о погибшем сыне, тяжело ступая к пасеке в углу двора.

Пчёлы – Божьи создания: они и от тяжёлых мыслей отвлекают, и радостью душу питают.

«Милые мои, водички вам надо. Налью, налью сейчас», – прошептал Антон, умилённо рассматривая пчёл, хлопчущих на лотках ульев.

Одни улетают, другие прилетают с нектаром, здесь же охрана начеку... Пчёлы устраивают свою жизнь разумней, чем кое-кто из людей. Всё делается ради общего блага.

Он долго возился на пасеке, отгоняя от себя мысли о разговоре с Марией, но мысли, словно пчёлы, роились: то улетали, то опять возвращались. Что из того, что без мёда?!

В тот же вечер он не удержался и рассказал о новости жене. Тамара на удивление восприняла известие спокойно, лишь печально промолвила:

– Знать бы, что этот ребёнок твой. А так что скажешь... Непонятно, как детям и внукам будем объяснять. Они-то ничего не знают о той истории. Она замужем? Дети есть?

– Не знаю ничего, Тамара... Если встретимся, порасспрошу.

– Не встречаться нельзя, Антон.

В пятницу работал на благо школы, красил, малярничал, с коллегами разговаривал и даже пытался шутить, но как-то с неохотой, через натугу.

– Антон Станиславович, вы будто бы в другом месте сейчас. Стихи пописываете? – удивился коллега Владимир Квасюк.

– Написал одно лет сорок назад, а сейчас думаю о последствиях.

– Ну, Станиславович, даёшь! – заметил Квасюк. – Извини, но ты словно с ума сошёл. Ходишь, работаешь, сам с собою разговариваешь.

– Не сошёл, а спрыгнул.

В субботу Антон Станиславович весь день топтался без дела во дворе, ожидая автобуса со вновь обрётённой дочерью.

Прикатил автобус, проскрипела калитка... Всматриваясь в её черты, желая и не желая, чтоб всё подтвердилось, чтоб чужая женщина оказалась его дочерью, он недоумевал, как накануне не мог или не умел выйти из зажимов не своей роли. У неё своя семья: муж, две дочери, еще не замужние, а он видел перед собой Лию, улыбчивую и сдержанную, умную и непосредственную, но ни капли крови, хоть отдалённо напоминавшей сходство с ним, не обнаружил. Ну ни кровиночки.

– Я тебя увидела и счастлива, – сказала Мария на прощанье. – Мне больше ничего не надо. До замужества была на маминой фамилии, а отчество твоё – Антоновна. Мама никогда не отвечала на вопрос, кто мой отец. Она говорила, что он умный и хороший человек. И ничего более. Только в последний момент прошептала, чтоб я с тобой встретилась.

– Я не знаю, что в таких случаях нужно говорить. Не знаю, не знаю, – расписался в бессилии Антон Станиславович.

Мария уехала в Саратов, а он остался с раздумьями и сомнениями. Так продолжалось долго. Прежней, тихой пенсионной жизни как не бывало. Занимался пасекой, домашним хозяйством, собакой – свирепой кавказской овчаркой. А мысли были там, в далёком прошлом.

Минуло медовое лето, мёда собралось сколь надо, если не

сверх того. И себе хватило, и детям, и друзей одарил, и знакомым перепало.

«Жила бы Мария рядом, и ей досталось бы мёда», – подумал с устатку вечером.

К осени ветки от яблок ломились, пришлось подпорки поставить. И опять пожалел, что Мария далеко и яблок ей не достанется.

Зима, бесснежная и тёплая, не радовала. В феврале так потеплело, что пчёлы из ульев появились, сонно ползая по лоткам. А он, не обращая внимания на причуды природы, ходил хмурый: мучился, переживал. Нелегко в этом жестоком современном мире совестливому человеку жить. Ой, нелегко!.. Ночью вскакивал и шёл на кухню, чтоб не будить Тamarу. А та тоже не спала, лежала в темноте с открытыми глазами, неслышно охая и вздыхая. Так в беспокойстве прошла зима, и весна минула.

Худо ли, бедно ли, но уже год с тех пор, как приезжала Мария, отмотался. Иногда звонил, говорил по телефону. Но что можно сказать в трубку, не видя человека?.. Как-то сорвалось у него:

– Мария, может, нам заказать экспертизу? Генетическую. После долгого молчания услышал:

– Надо ли? И зачем?

Однажды, в тихий летний день, присел во дворе и задремал. И увидел в полудрёме себя, молодого, стоящего у калитки с Тамарой. А над деревьями пылало ярко-красное за-

рево: то ли солнце закатное, то ли пожар где-то разгорался. А потом увидел идущую мимо них Лию с маленькой девочкой и голос её услышал:

«Не пугайся, Антон. Красное солнце к вечеру – на добро...»

А девочка вдруг заплакала, тоненько так и жалостливо. И от этого плача он очнулся. Рядом тёрся о ногу приبلудный котёнок и жалобно мяукал.

«Откуда он? Надо же... Потерялся? Или кто подбросил? Не дай Бог за загородку к овчарке попадёт... Вмиг разорвёт», – подумал и протянул руку, подобрал несмышлёныша. А тот, не будь хил, неловко, но резво отскочил от него и, поднырнув под загородку, спустя мгновение оказался перед пастью овчарки.

«Всё. Пропал дурашка маленький», – ёкнуло внутри. К его удивлению и радости, злая овчарка принялась облизывать котёнка.

Назавтра, с утра, Антон пошёл на кладбище к сыну. Долго стоял перед обелиском с портретом улыбчивого парня с кудрявой головой. Положил пучок белых ромашек на чёрный мрамор с выбитым на нём «Memento Mori».

Вечером он долго не мог заснуть, вздыхал, по привычке ворочался с боку на бок.

– Толик, не могу больше молчать. Будь что будет. Письмо тебе приходило от Лилии. А я тебе его не отдала, – прошептала Тамара и заплакала.

– Тамара, ты читала его? Что там было?

– Нет. Не распечатывала. Прочитай сам, если хочешь.

А в письме было всего несколько фраз: «Антон, Мария не твоя дочь. А могла быть твоей. Я тебя любила. Мне недолго уже осталось. Не хочу уходить с грехом. Прости, если сможешь. Лилия».

На следующий день утром Антон Кулаковский отправил Марии телеграмму: «Доченька! Буду в Саратове через два дня. Целую. Папа».

Такая беспощадная любовь

Было далеко за полночь. Уже затихли в чёрной тьме голоса электричек. Тишь небесная наполнилась звёздами. Мягкий свет ночника освещал красивую женщину с книгой в руках. Зачиталась. Всё про любовь из жизни позапрошлого века! Муж посапывает себе. И пусть! Она, Саша, – в другом мире, где чистая любовь, тихая, умная, лиричная. Простые слова и море чувств! Да что там море – океан после шторма, когда безбрежье волн полно сил, никак не успокоится... Какой страстный монолог о любимой женщине, покинувшей скабрёзную землю!

Шёпотом Саша повторила до дрожи в сердце поразившие её строки:

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Она отвела глаза от книги и задумалась. Густой каштан волнистых волос разметался, а глаза, полные зелёного блеска, мерцали. Невесть откуда взялась одна-единственная слезинка, выкатилась на атлас подушки, стремясь далеко в поля и леса осенней ночи.

Раздался глухой телефонный звонок. Саша сняла трубку, машинально глянув в угол на часы.

– Саша, прости за поздний звонок. Я не могу. Мне нужно поговорить с тобой, – раздалось знакомое заклинание, словно перепев ночных призраков.

– Лёня, посмотри на время. Видишь, как поздно?

– Не могу. Я просто не могу. Поговори со мной. Я вспомнил Женю и залился слезами.

– Ладно. Позвони мне через десять минут. Я перейду к телефону на кухне. А то Алексея разбудим.

Но муж уже не спал:

– Сашунь, опять Лёня? Да? С ума сошёл. Женю при жизни не оставлял в покое. Теперь тебя по ночам будит.

«Господи, – думала Саша, – мистика какая-то! Я читаю Тютчева, вспоминаю Женечку со слезами. И то же самое происходит на другом конце города с Лёней. Может, тётя там, на небесах, думает о нас, и поэтому нам не спится».

Припомнилась первая встреча с Лёней: заглянула к тётке Жене, а у неё – высокий, с копной тёмных вьющихся волос мужчина. После института работал в союзном министерстве по финансам. Тётя была сто лет как замужем, её дружба с Лёней, который тоже был женат, показалась Саше, зелёной девчонке, странноватой. Потом они с Лёней время от времени пересекались у тётки. На всех семейных праздниках он присутствовал, но почему-то один, без своей супруги. Сашу всегда удивляло, что Валерий терпел дружбу своей жены с

Лёней.

Даже как-то не удержалась, спросила немножко дурашливо:

– Валер, а ты не боишься, что Лёня уведёт от тебя Женю? Почему ты так легко переносишь их дружбу?

– Нет, не боюсь, она дорожит дружбой с Лёней. Как я могу ей запретить? Хочется – пусть. Ей хорошо!

В дружбе Жени и Лёни настоялся аромат духов, должно быть, от «Шанель». Смотреть на них без восхищения и улыбки мог разве греховодник. Неважно, сколько в комнате людей и что за люди. Женя и Лёня никого не видели, кроме друг друга. Когда они встречались, близким казалось, что интерьер становится прозрачным, искромётным и необычайно счастливым, и сами они сияли от счастья. И это в присутствии Валерия! «Блаженный какой-то... Разве он не видит, что Лёня влюблён в тётю и тётя любит Лёню. А Валера – ноль внимания», – никак не могла понять Саша. Но ничего страшного! Люба, Лёнина жена, в годы так называемого развитого социализма делала карьеру в буфете гостиницы «Москва». Валера промышлял антиквариатом и мог иногда позволить себе передать через Лёню аляповатую золотую безделушку для Любы. Правда, никогда семьями эти две пары не встречались.

Так продолжалось очень долго. Позже Саша поняла, что Валерий, как умел, старался отвадить Лёню от их дома, но делал это с деликатностью посла в какой-нибудь Америке. И

Лёня никаких намёков не понимал и не принимал. Как ходил, так и продолжал регулярно ходить к Вишневым буд-то в гости, а на самом деле всё было похоже на возвращение из долгой командировки. Звонок в дверь менял порядок вещей, и неважно, чем бы Валерий ни занимался, Лёня усаживался на кухне, пил чай и любовался своей невинной подругой Женей. Знал ли Валерий об их совместных поездках в отпуск? Путаный лабиринт отношений. Но скандалов никогда не было. В период горбачёвской перестройки Вишневские эмигрировали в Америку. Следом за ними спустя год-два укатил и Лёня. Супружница Люба осталась ждать в Москве, пока он устроится в Америке по ихним, «американо-совым» меркам.

Сашины воспоминания прервал звонок.

– Саша, ты уже на кухне? Можешь говорить?

– Могу. Что случилось? Что на тебя нашло вдруг среди ночи?

– Я вспомнил, как Женя умирала во Флориде, а я в то время был в Москве, и мне не дали даже попрощаться с ней. Я бы немедленно прилетел. Я был бы около неё в больнице. Мне ничего не сообщили. И похоронили тайно от меня. Зачем так со мной поступили?

– Ты же знал: так хотел Валера!.. Чего непонятного? Он не хотел тебя видеть, знать. И почему ты опять это вспоминаешь? Ведь прошло уже время. Мы с тобой не раз говорили. Зачем ты себя мучишь, Лёня?

– Саша, ты помнишь, как он, собака, прогнал меня из их квартиры во Флориде? Я не могу вспоминать, захожусь в обиде.

– Вот-вот, «захожусь», – позволила Саша улыбнуться чужому ей словечку.

Саша всё помнила. Помнила, что тётя упростила бабушку Марию сделать Лёне вызов в Штаты как племяннику. И та пошла на подлог и подписала необходимые документы. Чтоб уговорить бабушку Марию, пуганную культом личности, оттого не терпящую никакой лжи, подписаться под неправдой?! Страх Божий, но Женя уговорила. Лёня получил въездную визу в Штаты и стал жить в семье тёти Жени. Валерий с утра бежал на работу, а Женя с Лёней сажались чаёвничать, не отводя влюблённых глаз друг от дружки. А потом они отправлялись гулять. Вечером – семейный ужин. Обстановка возвышенности и торжественности. «Валера, подай Лёне солонку. Валерий, ты забыл, что Леня не пьёт кислого вина, налей ему виски». Как Валера мог терпеть? И всё же терпел, шутил вместе с ними. А через два месяца он тактично и деликатно устроил Лёню на съёмную квартиру и даже вещи перевёз лично. «Не переживай, Лёня. Утром, когда Валера уйдёт на работу, приходи, и мы будем, как обычно, пить чай», – успокоила Женя дружочка.

И вот теперь, после внезапной, нелепой и несправедливой смерти тёти, молодящейся и какой-то беззащитно-обаятельной, прошлое мгновенно предстало пред Сашей. Стран-

ная ночь: стихотворение Тютчева, написанное на годовщину смерти любимой женщины, ночной звонок Лёни и его неподдельная боль и тоска... И Саша тихо сказала:

– Лёня, никто не виноват. И потом, ведь Валера так помогал тебе! Он хотел, чтоб у тебя свой угол был. Но ты же продолжал к ним ходить. Валера тебя принимал.

– Этот подлец подсматривал за нами, когда я у них жил. Приходил с работы в обед, стоял под окнами и слушал, о чём мы говорили. Он живёт, а её нет! Мне сегодня вспомнилось, как после смерти Женечки я приехал к её дому. Заходил в парадное, смотрел на почтовый ящик. Её руки касались этого ящика. Я не выдержал и поцеловал его дверки. А потом я всю ночь просидел на скамейке, глядя в её окна, как в её глаза, когда мы пили чай ещё в Москве. Очнулся к утру, вся моя одежда была мокрая от слёз. Почему она ушла? Сколько тварей живут в этом мире, и ничего с ними не случается!.. А с ней случилось. Почему?

– Что ты так убиваешься? Что было, того не вернуть. И Валеру тоже можно понять – он был её мужем. Валера её любил, и она его любила.

– Саша, я сегодня думал о ней. А потом думал об этом мерзавце. Как он мог не дать мне проводить Женю в последний путь?! Ты знаешь, Саша, я никогда никого не бил. А тут со злостью стал думать: вот бы встретить его и ударить кулаком в морду. А когда упадёт, бить ногами. Бить и бить козлину поганую.

Всхлипы шуршали в трубке. Откуда он звонит? Из Москвы? Из Америки?

– Лёня, остановись! Я не хочу этого слышать. Прошу, остановись.

Натикало три часа ночи или утра? Для электричек – утра. Саша попыталась уснуть, но куда там! Сна не было ни в одном глазу. Всеми силами отгоняла мысли о Жене, умершей в Америке, о Валере, но всякий раз странная биохимия взаимоотношений Жени, Валеры и Лёни возвращалась к ней новым случаем, давно позабытым. Иной раз сама не поймёшь, что с тобой происходит, а как других понять? Как понять того же Валеру? Почему он так долго терпел Лёню? Как понять Лёню? Наверно, у него была настоящая любовь с Женей? Но почему, почему, не любя друг друга, Женя с Валерой жили вместе? А то, бывает, любовь есть, а вместе – нельзя! Любовь непонятна и беспощадна. Она никого и никогда не жалеет. Вот взять хотя бы Валеру... Всю жизнь работает не покладая рук, как говорится, развернулся, целиком впаялся в капитал. Квартира во весь этаж в доме немыслимой красоты, отделана полудрагоценными камнями. И что? Это счастье? Женечки нет. Богатый и одинокий. Что у него в душе?

К утру количество децибел за окном возросло. Москва гудела, шумела, брэнчала и скрежетала во всю Тверскую. Саша проводила мужа, прилегла на диван. Стала листать последний журнал моды в надежде, что удастся успокоиться, немного поспать. Но вскоре – совсем ерунда! Звонок из Аме-

рики с драмой всей жизни... Сатанизм! Кому их драмкружок или драмклубок интересен? От недосыпа и невнятицы жизни Саша устала, не желая слушать никого. Валера, Валерий... В просветах грязных туч обнажился солнечный диск, сверкнул золотом осени, рассыпая лучи куда попало...

– Саша... Здравствуй! Это – Валерий! Узнала?

– О Боже! Да, Валера! Здравствуй! Сегодня – «день молитвы и печали», «память рокового дня». С ночи телефон заливается погребальным звоном.

– Саша, я – о тебе, обо мне... Нам нужно встретиться. Приезжай.

Саша оторопела:

– Что-то случилось?

– Случилось... Да. Давно случилось. Только я скрывал...

И нервирующий звонок стал обрастать всеми гранями, тенями и оттенками тех драгоценных камней, о каких мало кто мог помечтать в позапрошлом веке. К её удивлению, голос Валерия доносился словно эхо из другого мира, планеты, мимо которой она случайно прошествовала с зонтиком.

Несчастный Валера клялся, что всегда любил её и только её, Сашу, сохранял брак с тётёй Женей ради неё, желая видеть её, только её в своей квартире, какими бы редкими ни были визиты к тётё Жене. Ну не изящно ли сплетённое кружево на ночной столик Алексея? Волна воспоминаний о тётё, о её кажущейся легкомысленной дружбе с любимым мужчиной и затем её внезапном уходе из жизни далее раскачи-

вала сердце, ум, душу... И вот ещё груз – из самоцветов!

Шёл мелкий затяжной дождь, какой бывает поздней осенью только в Москве. Надев резиновые сапоги, натянув толстый свитер и без зонта, Саша вышла на улицу. Долго бродила меж параллелепипедов и кубов, погружённая в себя, не замечая ни людей, ни машин.

Потом стояла на набережной Москвы-реки и неотрывно смотрела на тёмную воду. Некоторые мужчины, проходя мимо, не могли удержаться, чтоб не полюбоваться красивой женщиной с печальным лицом. Высокий парень подошёл и протянул ей свой зонт:

– Люди беспокоятся, видя, как вы мокнете под дождём. Что-то случилось? Может, помочь?

– Нет, нет. Спасибо. А зонтик заберите, мне пора уходить. Но парень убежал, крикнув на ходу:

– От души и с любовью.

Саша неторопливо двинулась вдоль парапета набережной. Тяжёлая вода неопределённого цвета текла, образуя кое-где еле заметные водовороты.

Прошёл выкрашенный в белое пассажирский теплоход. Стоявшие под тентом ребята махали ей руками, что-то весело крича. «Давай к нам...» – донёсся отголосок. Впрочем, неважно, что насыщало смыслом осеннюю атмосферу. Важно то, что ей захотелось на теплоход. И плыть куда-нибудь, плыть. В Индию, в Антарктиду... А если взять и прыгнуть сейчас в воду? Доплывёт ли она до прибрежного мелководья?

дья? Кинется ли кто с гранитных отвесов набережной ей на помощь? А вдруг посреди реки утонет? Будет ли кто-нибудь убиваться по ней так, как Лёня убивается по Жене? Её зеленоватые глаза мерцали изумрудным светом ночи, словно там поселилась какая-то тайна, и эта тайна изменила её походку и выражение лица, утомлённого, но прозревшего некую глубь человеческой реки.

Брошенная

В тёмном осеннем пруду кружились гонимые ветром золотистые листья клёна.

«Словно звёзды в ночном небе», – подумала Татьяна Петровна. Её печальные красивые глаза оживились.

Однако блеск в глазах тотчас иссяк, будто тучи снова набежали на лицо, и, закрываясь от них, она отвернулась от пруда. Похожей красоты женщин можно встретить только в провинциальных русских городах, вдали от московской суеты.

Тонкие черты не молоденькой, но ещё очень привлекательной женщины... Прямой нос, маленький изящный подбородок, фигура тонкая и не потерявшая ещё своей гибкости. И большие карие глаза.

Татьяна Петровна смотрела на кружащиеся над водой листья, и жёлто-красный хаос мыслей метался вокруг. Покружат, покружат листья клёна и опустятся на илистое дно. Сгинет, пропадёт красота, превратится в частицу ила. А душа? Оголилась её душа и стынет, стынет.

«Брошена, брошена...» – была острой болью в сердце неотступная мысль.

Мужем брошена, отринута, не хозяйка дома, не жена. Вчера ещё был праздник: она гуляла в усадебном парке и любовалась багрянцем кленовой листвы, солнечные предзакат-

ные лучи проникали сквозь золотое море листьев и отражались в чистой и светлой воде пруда.

Приехал из Москвы муж Вениамин – чужой, отстранённый. И вместо приветствия и поцелуя тут же объявил, что он от неё уходит. На её недоуменный и встревоженный взгляд резко ответил:

– И не смотри на меня так, как будто я серийный маньяк. Нормальный я мужик. Не получается у нас с тобой. Да и влюбился я.

– Веня, ты шутишь? Разыгрываешь меня? Да?

– Какие уж тут шутки?! Бросаю я тебя. На Ленке, секретарше, женюсь.

И всё. Муж немедленно уехал в Москву. А она вот стоит у пруда и не может до конца понять, что случилось. Умом понимает, а душа не принимает. Не принимает никак, и всё. Ей почти сорок лет. Двадцать лет в браке. Дочь Катя на первом курсе театрального института учится. Как теперь вести себя с друзьями, со знакомыми? Весь мир, близкий и родной мир в одночасье стал рушиться. Как можно это принять? Неправда это, неправда! Она вдруг выпрямилась и побежала в дом, чтоб позвонить.

– Лена, это Татьяна Петровна. Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Простите, Татьяна Петровна. Я люблю его. Простите... Он сам вам всё сказал...

И в трубке набатом зазвучали долгие гудки.

За одну ночь мир стал иным. На траве светится изморозь. Подул пронизывающий северный ветер, по небу бежали тяжёлые рваные тучи. А клёны стали голыми, сиротливыми, совсем не похожими на себя вчерашних. За одну ночь!

Развелись тихо, без шума. Ушли в прошлое истерики и стыд от пронизывающих и всё понимающих взглядов бывших подружек. Большинство из них были жёнами друзей Вениамина, и все они тут же от неё отвернулись. Дочь восприняла развод родителей спокойно, сойдясь по-дружески с новоявленной женой отца. Это с мачехой-то при живой матери?! Татьяна Петровна не забыла, не простила, не смирилась.

Прошло время. Опять роняли клёны листву, опять подуло холодом, засверкали льдинки на лужах. Через год она стала уже подумывать о том, что их развод с мужем – развязка бабьего лета... И может быть, в этом была её вина? Ушло влечение, осталась привычка: позаботиться о муже, встретить его с работы, проводить. Порвались те нити таинства, которые связывают мужчину с женщиной. Она вспомнила, как раздражалась по ночам, когда муж начинал во сне храпеть. А его нестерпимая привычка пить чай, втягивая со свистом жидкость! Как-то она мягко сделала ему замечание, но он с обескураживающей улыбкой ответил: «А мне так вкуснее!..» А ещё растущие волосы на мочках ушей. Когда она с ним разговаривала, то старалась не смотреть на уши, чтобы не видеть этот кустившийся пух. Может, она его первой разлюбила? Кто его знает? А может, никогда и не любила?

Ни шатко ни валко стали переваливаться года. Она привыкла к положению брошенной жены. Ей стали нравиться свобода и независимость. Ей стало нравиться гулять одной или с новыми подругами по улицам города, всматриваясь в лица прохожих – мужчин и женщин. А ещё ей стало нравиться ловить на себе взгляды мужчин! И что самое главное: она как-то вдруг обнаружила, что с удовольствием всматривается в лица мужчин.

– Таня! Что с тобой? Ты вся светишься! С мужем сошлась? – как-то спросила приехавшая из Таганрога подруга. – Ты так помолодела!

– С каким мужем?! Чур на тебя! Я наслаждаюсь одиночеством.

– Ну, Танюха! Видно, тебе недолго осталось наслаждаться одиночеством. Мимо такой красавицы ни один стоящий мужик не пройдёт.

После развода она стала работать экскурсоводом в художественном музее «Наше наследие». Не из-за денег. Денег хватало. Муж оставил ей достаточно средств, чтоб жить безбедно. Да и усадьба с квартирой вблизи любимого пруда в переулке Гнилой Овражек осталась за ней.

Как-то она собралась к сослуживице отметить день рождения и взяла на работе отгул. Полдня потратила на магазины, но купила миленький подарок – серебряные подвески. Возвращалась домой в прекрасном настроении! Представляла, как явится к подруге в новом розовом платье с подарком

в коробочке, упакованной в магазине в ярко-синий пакет.

«Синий цвет на фоне розового платья? Должно быть красиво. Да и подарок что надо! Камушки из аметиста подходят к цвету чёрных глаз подруги», – подумала, входя в свой подъезд.

Времени до встречи было предостаточно, и она не спешила. У лифта стоял молодой парень в майке, с чемоданчиком, с какими обычно ходят слесари по вызовам. Высокий, с накачанными бицепсами, парень ей сразу понравился. Открытый взгляд широко поставленных глаз. Улыбчивый.

«Красивый парень, но очень молодой. Какого чёрта я на него пялюсь?» – подумала Татьяна Петровна и демонстративно отвернулась, бессознательно улыбаясь.

– Вы так хорошо улыбаетесь, что так и хочется прикоснуться к вашей улыбке, – вдруг неожиданно сказал парень и, поймав её взгляд, добавил: – Губами.

«Нахал!» – радостно подумала она и ничего не ответила.

От парня шёл какой-то незнакомый запах. Резкий и притягательный.

«Банальная ситуация: молодой слесарь и молодящаяся дамочка едут в лифте. И у них завязывается роман», – мелькнула мысль.

– Так это вы здесь живёте? Вызывали слесаря? – спросил парень, когда они вышли из лифта на её этаже.

– Я не вызывала. Наверно, соседи. А вы что? Слесарь?

– Нет, я – инженер. Но был срочный вызов. Никого из сле-

сарей не оказалось.

«Чем же от него так приятно пахнет? С ума можно сойти!» – подумала она, открывая дверь квартиры.

Парень продолжал стоять, наблюдая за ней.

«А вдруг он бандит?» – она, резко развернувшись, посмотрела на парня:

– Вам что-то нужно?

– Да. А впрочем, нет. Я у соседей спрошу.

«Какого чёрта я вступила в разговор с незнакомым мужчиной? Дура! И почему он так смотрел? А запах, запах... Дура, дура! Да это просто запах пота молодого и здорового мужчины...» – И она отправилась в ванную принять душ.

Только успела раздеться, как в дверь позвонили. Наскоро набросив лёгкий ситцевый халатик, она побежала к двери, почему-то понимая, что это тот самый парень, и бессознательно желая, чтобы это был он.

– Я... я хотел бы позвонить. А у соседей никого нет. Можно? – спросил парень, когда она открыла дверь.

– Нет! Конечно, да... Нет. Входи, – забормотала она, теряя самообладание от звериного запаха его тела.

Её глаза заиграли золотистым цветом, словно кленовые листья на воде. Парень шагнул к Татьяне Петровне, она качнулась, падая и не понимая, что с ней происходит. Он подхватил её, прикосновение сильных рук обожгло тело, ситцевый халатик распахнулся, обнажились нежно-розовые крупные соски. Сознание обмякло, стон вырвался из груди, она

стала хвататься руками за что ни попадя, пока не ощутила под цепкими пальцами мужские плечи.

С тех пор её жизнь как бы разделилась надвое: всё, что было до встречи с Олегом, не имело больше никакого значения. Как будто той жизни не было. Не было Вениамина и даже дочери. Была ли прошлая жизнь? Разве сразу вспомнишь? На счастье, дочь вышла замуж за американского фермера и почти перестала появляться в жизни Татьяны Петровны. Её жизнь – это Олег, маленький сын и любовь... И пусть разница в возрасте пятнадцать лет. Пусть... Олег влюблён в неё до беспамятства. И пусть их сын Олежка – одногодок внука. Неважно. Она тоже влюблена в Олега до беспамятства. А что ещё ей нужно? Муж, ребёнок и она, возлюбленная... До какой поры, до какого срока? Надо ли считать осени, зимы? Или пусть всё идёт так, как идёт? Кто знает, сколько продлится это блаженство: день, два, неделю? Разве хочется об этом думать, когда мир вокруг прекрасен? И счастье переполняет его.

На ажурном мостике, перекинутом через пруд, в старинной усадьбе, стояли мужчина и женщина. Сквозь золото листвы осенних клёнов пробивались лучи закатного солнца и освещали чистую и покойную воду.

Смысл всей этой жизни – в любви. И нет и не будет другого смысла.

Певица

И радость светящаяся, и скука суетная – всё есть в её жизни. Но радости намного больше. Два сына: младший ещё школьник, но уже музыкант настоящий: скрипка, флейта, гитара – всё ему подвластно. А всё она! Её настойчивость, её забота и, наконец, её уроки музыки сделали из Олега музыканта. А старший, Святослав – нет... он из другого теста, будет юристом. Вот муж... А что муж? Живут в любви и согласии. Как голубки, воркующие у весенних нечистых луж: во-круг месиво грязное, чавкающие ботинки, гарью дышащие авто, а им всё равно – у них любовь. Они не видят этой неуютной суеты, смотрят друг на дружку и воркуют, воркуют под ярким весенним солнцем.

Женщина лет за сорок, но статная, поёживаясь, смотрела в сторону Крещатика. Утреннее небо было затянуто сплошными тучами, такими низкими, что, казалось, они заглядывают в окна старинного доходного дома на Владимирской горке.

Мокрый снег вперемешку с мелким дождём. «Бр-р... И это январь. Но хочешь не хочешь, а надо. Вперёд, Светик! – подбодрила сама себя. – Вас ждёт холодная купель, сударыня!»

Светлана Непейвода каждое утро, летом и зимой, купалась в Днепре. И не боялась простудить голосовые связки,

хотя и была певицей. Окунётся в прорубь, и – будто бы родилась в водах – в глазах вспыхивают огоньки.

Светлана выбежала из дома и, перекрестившись на старинный костёл, пустилась вниз к реке. Пока семенила, перебирая камни тротуара каблуками спортивных ботинок, в голове складывался день: репетиция на студии, потом – запись песни. Как она пойдёт? Поэт Родин из Москвы будет на записи.

У дымящейся проруби быстро освободилась от спортивных брюк и свитера и в одних плавках решительно прыгнула в прорубь. Она начала купаться зимой ещё со студенческих лет, и всегда – без лифа. Говорят, что холодная вода делает груди твёрдыми. И действительно: её маленькие груди с ярко-красными сосками вызывали в студенческой среде зависть. А Георгию и сейчас нравятся! Хотя Георгию по статусу положено восторгаться. Муж всё-таки. А дирижёр оркестра, старый хрыч Леонтьевич? Так и норовит при случае прижаться. Или вот недавно в трамвае какого-то пьяненького мужичка качнуло, а он давай облизываться, как на масле-ницу кот, и бормотать: «Ну и ну! У тебя что там? Камушки? Давай в кино сегодня сходим, а?» – норовил привязаться.

Выскочив из проруби и не обращая внимания на зимних купальщиков, она стала, как обычно, растираться полотенцем до красноты кожи. И тут она увидела его: в красных узеньких плавках, под два метра ростом, мускулистый, с копной чёрных волос. Господи! Он стоял босыми ногами на льду

и восторженно смотрел на неё.

– Ой! Мама родная!

Где полотенце?! Ну ёлки-палки! Прикрыться бы!

– Сеньорита, простите. Вы – Непейвода? Певица Светлана Непейвода? Ваш поклонник – Илья Гусаров. Не имел чести встретиться раньше. Но мечтал.

Она замерла перед ним в стыдливой неловкости под твёрдым взглядом мужчины...

«Илья Гусаров! – молнией пронеслось в голове. – Не может быть!»

Кто из артистической братии не слышал о знаменитом меценате Илье Гусарове? Геолог, нефтепромышленник, золотоискатель... А кто он на самом деле? Ловелас, сердцеед? Слухами о его деньгах наполнилась вся земля Киевская. И он легко их тратит. Тратит на артисток. Многие известные звёзды и звёздочки российской эстрады обязаны своим восхождением на желанный олимп ему, льву артистических тусовок. Зашуршали в голове мысли, словно золотинки пляжного песка, где некогда они встретились с мужем.

Гусаров, приложив руку к сердцу и слегка поклонившись, продолжил:

– Сеньорита, специально приехал из Москвы, чтоб познакомиться с вами. Вы – лучшая певица в Украине. Первый раз в жизни окунулся в зимнюю прорубь только ради вас.

– Сеньор, – оправилась Светлана от смущения, – благодарю вас за внимание. Я – не сеньорита, я – сеньора. Благода-

рю за честь.

Знакомство состоялось. Светлана легко побежала вверх из-под кручи, плохо замечая ступени, как олимпийский чемпион бежит с факелом, чтоб зажечь огонь в чаше. Вот так и она бежала, гордо неся свой восторг от встречи с красавцем, богатым и щедрым богом. Надо же! Будто ради неё приехал в Киев! Заранее выяснил, что она по утрам купается в этой проруби! И ради знакомства с ней нырнул в эту самую прорубь! И сегодня они встречаются! К чёрту запись песенки! Родин никуда не денется. Тем более что с молоденькой певицей недавно завёл творческие шашни. Предатель! Но что её Родин теперь? Возможно, она запишет наконец полный альбом с лучшими симфоническими оркестрами! Она представила, как она сама себе аккомпанирует на бандуре, а за её спиной – симфонический оркестр. И обязательно Олег тоже в оркестре. Выбежав на горку, она остановилась и пропела:

Ніч яка місячна, зоряна, ясная.
Видно, хоч голки збирай.
Вийди, кохана, працю зморена,
Хоч на хвилиноньку в гай.

Как будто не было бега по лестнице – голос летел легко и непринуждённо, как у вольной птицы в предчувствии весеннего гомона.

На кухне копошился Георгий, готовил завтрак – яичницу на сале с томатами. Любит она яичницу с салом, ой как лю-

бит! И не отказывает себе в удовольствии раз в неделю побаловаться этим деликатесом. У неё сумасшедшая энергетика: всё сгорает, никаких диет и никаких проблем с весом. Но на этот раз она отказалась от любимого блюда:

– Гоша, чашку кофе, и всё.

– Света, уже всё готово. Почему не будешь?

Но она, не отвечая, скрылась в душевой. Как?! Душа поёт, а тут – на тебе: яичница с салом. И как объяснить Георгию? «А не буду ничего объяснять! Да и нечего пока объяснять», – успокоилась она.

После контрастного душа долго стояла перед большим, во всю стену, зеркалом в ванной и внимательно себя рассматривала. Стройная, как у молоденькой девочки, фигура. В углах глаз уже образовались морщинки, но они скорее красят её лицо, чем портят. Карие глаза с блеском влаги, как будто слезинки выступили, но в глазах нет грусти. Нет-нет, это, скорее всего, смешинки, чёртики, как говорится, прыгают. Нос прямой и тонкий. Повернулась к зеркалу спиной, нагнулась, легко достав ладонями пол, и посмотрела на отражение в зеркале. Тут же прыснула смехом. Увидел бы её кто в такой позе. Но сзади она ещё тоже куда как хороша. Вспомнилась польская поговорка: «Сзаду лицеум, спреду музеум». Нет, к ней это не относится. У неё «спреду» тоже «лицеум».

Наскоро распрощавшись с Георгием, убежала в салон красоты. Никогда не ходила по салонам. Всё сама научилась делать. А сейчас – нет, не тот случай. У неё встреча вечером с

меценатом. «А как же концерт в Доме учителя?!» – внезапно ударила мысль. Она никогда не отменяла выступлений. Никогда. «А попрошу Стасю Донцову! Пусть подменит меня, споёт на концерте и запишет песню без слов Родина. Тем более они что-то втайне затевают вместе. Стася молодая да ранняя. Но голосище – дай Бог каждой. Будет, будет из девочки толк. На пятки наступает». Стася с восторгом приняла её предложение: ей – Родин, мне – Гусаров.

День прошёл как во сне. Ждала и не могла дожждаться вечера. Звонила поэтессе Громошкиной, чтоб рассказать о Гусарове, но в последний момент стусевалась. Конечно, подруга порадует за неё, но рано хвастаться! Да и поэтесса – баба холостая, не промах. Если захочет, то обернётся такой фурией! – отобьёт любого. Особенно когда начинает петь в компании или стихи читать. До сих пор ходит байка, как она несколько лет назад в Коктебеле свела с ума какого-то московского поэта. Жёну чуть не бросил ради неё. Нет-нет, не нужно ей пока говорить. «Тьфу, я уже начинаю к Ларисе ревновать. Что же это такое? И кто он мне? Да и не собираюсь я с ним шашни крутить», – она гордо вскинула голову с великолепной причёской, сделанной в салоне красоты.

Вечером Гусаров прислал к дому машину – блестящий «ягуар». Георгий даже руками всплеснул:

– Света, кто же за тобой это прислал? Более двухсот тысяч баксов на колёсах.

– Гоша! Не доверяешь мне? Меценаты новые замаячили

на горизонте. Сегодня показываю им новую песню.

С трудом удалось Георгия оставить дома.

Встреча была намечена в расписных интерьерах старинного ресторана в центре города, недалеко от Крещатика. Рядом с рестораном, через стенку, – великолепное экстра-современное здание известного коммерческого банка. Вечер получился словно сказка из «Тысячи и одной ночи». Весь зал был выкуплен для них двоих. Повсюду охрана Гусарова: молчаливые парни на входе, в коридоре, у двери в подвал, на кухне. Со сцены лилась музыка, играл камерный оркестр. И везде цветы, цветы. Букеты её любимых белых роз. И рядом с ней этот бог в смокинге, предупреждающий каждое её движение. Он знал почти все ее песни, даже куплеты напевал на чистом украинском языке.

– Илья, мне, право, неудобно. Я не привыкла! Столько цветов! Мои любимые белые розы! Как вы узнали?

– Вы – украинская королева песни. А для королевы – королевский приём.

Как ответить ему? Чем? Светлана пошла на сцену. Две новые песни в сопровождении оркестра: «Зозуля» на слова поэтессы, известной на Украине, – Лужиной и «Зов любви», записанный с Александром Родиным. Вот чем она ответит сегодня Гусарову. «Зря я отрещивалась! Родин пригодился! „Зов любви“ – что надо! А Лужина как порадуеться!» Пела единственному слушателю – Илье Гусарову. И ответный восторг был для неё едва ли не более значимым, чем овации

публики в концертном зале «Украина». Всё было деликатно, никакого намёка на что-то ещё. Илья Гусаров показал себя рыцарем. Втайне она надеялась – он пообещает финансировать запись её нового музыкального альбома в сопровождении Венского симфонического оркестра. Выпуск нового альбома в Вене! И Гусаров не разочаровал певицу: попросил подготовить тексты и ноты новых песен.

Далеко за полночь «ягуар» доставил её домой с охапкой великолепных белых роз. Хмурый Георгий посветлел, когда она ему рассказала о встрече с меценатом и о предложении записать новый музыкальный альбом в Вене.

На следующий день её вызвали в милицию. Оказалось, что в ту самую ночь, когда она пела песни для своего единственного слушателя, был ограблен коммерческий банк через подкоп, сделанный из подвала ресторана. Светлана испытала шок и потрясение. Её допросили и взяли подписку о неразглашении тайны вопросов дознания. Илья оказался ловким и успешным мошенником-грабителем: свои налёты он обставлял с великосветским шиком. И никогда никому не попадался в сети.

Дознаватель показал фотографию настоящего Ильи Гусарова – мецената из Москвы, невзрачного лицом, щедедушно-го господина. Далеко не красавца и не героя песен Светланы Непейводы, несомой волнами «Зова любви», бес его дери, Родина, с его записью... Как теперь в студии работать? Душа охладела, словно насовсем осталась в проруби.

Об этом ограблении не писали в газетах, не говорили по ТВ. Так захотел банк. Деньги шума не любят. Позже следователь, глядя на Светлану влюблёнными глазами, по секрету сказал, что денег и драгоценностей было украдено на десятки миллионов долларов США. И чёрт с ними, с деньгами банка! Наживут ещё. А был ли звенящий счастьем вечер? Неужели всё было наваждением? Но постепенно жизнь вошла в прежний ритм: записи новых песен, концерты и обязательное купание в Днепре, в любое время года, в любую погоду. Хотя нет, где-то глубоко в душе оставалась тоска по несбывшейся сказке.

Долго ли, скоро ли, но погода переменилась, и весеннее солнце обогрело её. Австрийский меценат, глава известной в мире фирмы хрустальных украшений, оплатил выпуск сольного музыкального альбома украинской певицы Светланы Непейводи «Зов любви». Вот и поверь после этого, что чудес на свете не бывает! Бывают, но только надо верить в чудо, и оно однажды обязательно явится к тебе. Неважно, когда и где это случится: в ледяной проруби или в русской бане с берёзовым веником, рано утром или ночью. Ведь певица Светлана Непейвода то в Вене, то с концертами на Сахалине, и по утрам ей готовит кофе и бутерброды с икрой морских ежей её муж, или, как его с любовью кличут в кругу друзей, – свет-

Георгий. Но раз в неделю он обязательно подаёт ей любимое блюдо – яичницу с салом. Не соскучишься! Вена и Сахалин – такой далёкий и такой романтичный! Остров штормов и туманов. Остров тёплой и снежной зимы. А что нужно женщине-актрисе? Чтобы были поклонники, чтобы был восторг, чтобы её обожали.

Ходят слухи, будто бы на морском побережье недалеко от кипрского города Лимассол находится чудная белая вилла, скрытая от посторонних взглядов высоким зелёным забором и вечнозелёными зарослями китайских роз. Вилла кажется пустынной и необитаемой, но каждую весну, когда начинают цвести китайские красные розы, сюда приезжает моложавая стройная женщина. Если бы можно было заглянуть за зелёный забор, то любопытствующий увидел бы накрытый стол на двоих и везде живые белые розы, а за столом – русоволосую красавицу и высокого атлета с чёрной копной волос, одетого в смокинг. И всё это на фоне спокойного морского простора. И может быть, удалось бы даже увидеть сцену с симфоническим оркестром и услышать украинскую народную песню в исполнении русоволосой гостьи.

Великая сила кроется в песне, особенно когда она звучит в исполнении красивой женщины. У ног певицы может оказаться не только Сахалин, но и весь мир.

Приезжающие с Кипра туристы рассказывают, что на местном радио в Лимассоле можно заказать по заявкам песни в исполнении Светланы Непейводы на украинском и рус-

ском языках. Так скоро, глядишь, и на греческом запоёт.
Скоро её весь мир услышит.

Дульсинея из Киева

(Из жизни одинокой женщины)

Неправда, что женщина не умеет быть другом мужчине! Нашей дружбе с Ириной Муратовской много лет, начиналась она очень и очень романтично. Именно так, как поётся в известном романсе:

Вы помните поезд и наше купе —
Любви незабвенной начало?
И был вместе с нами кудесник Шопен,
И музыка в сердце звучала.

Кому – любовь, кому – страдание, но дружба у нас получилась крепкая. Как-то мы говорили с Ириной о женском одиночестве. Я опрометчиво заявил, что красивые и успешные женщины никогда не бывают одинокими. В ответ Ирина рассказала небезынтересную историю.

Её звали Дульсинея. Разумница. Красавица из красавиц. С серыми огромными глазами. Успешный музыкальный критик. Заядлая театралка. Фитнесом занимается – три раза в неделю плавает в бассейне по утрам. А модница какая! «И куда мужчины смотрят?» – не раз подумывала Ирина. Видно, не туда, потому что Дульсинея – одинока: ни мужа, ни

друга сердечного. С именем ей, конечно, не повезло: кто-то при знакомстве переспрашивает, как её зовут, кто-то начинает ёрничать, передразнивая, мол, Дуся и есть Дуся, а никакая не Дульсинея. Но подруга всегда была против такого упрощенчества. Ира зовёт её Дульсичка, иногда – Дульсия, но не всем это позволено. А когда к имени добавляется отчество, то слишком привередливому мужчине становится совсем неважно. На что уж интеллигентный директор киевского издательства Игорь Ростиславович, и тот не сдержался и как-то сказал:

– К имени Дульсинея ещё можно привыкнуть, но Карла душа не принимает. Дульсинея Карловна! Язык сломаешь. Лучше уж просто Дульсинея или Дульсия!

– Игорь! – пыталась образумить его Ирина. – А что – Карл? Чем тебе не нравится? С выдумкой были родители Карла из Полтавы и назвали мальчика в честь короля шведского. И Карл Петрович с выдумкой оказался – дал дочери имя Дульсинея. Хорошо, что не назвал Дульсинеей Тобоской! Дульсичка – настоящая женщина, в отличие от прекрасной дамы Дон Кихота! Одни серые глаза чего стоят!

– Серьёзная слишком. А мужики весёлых любят.

– Игорь, давай познакомим её с хорошим мужчиной. Ей уже тридцать пять, а она – нецелованная. В моём издательстве – одни женщины, и все при мужьях. А у тебя не найдётся достойного жениха для нашей Дульсички?

– Уволь, Ира! Ещё бабы донесут жене, и она подумает, что

для себя стараюсь. Ну её к чёрту, твою Дульсинею! Пусть лучше запишется в какую-нибудь геологическую экспедицию или в союз поэтесс, куда заходят мужики неуёмные.

– Да ты что! Она любую оперу по полочкам разложит, по-французски свободно говорит! Её статьи о музыке в Париже печатают! Всю жизнь среди меломанов. Нечего ей делать в тайге среди мужиков, медведей и комаров!

– Родиться ей нужно было в другое время и в другом месте. Имя странное, отчество странное. Дульсинея родом из Полтавы!

Вероятно, Игорь специально отводит от себя подозрения, ведь ему явно нравится Дульсинея! Впрочем, ему все красивые женщины нравятся. Он по натуре эстет, окружает себя редкими вещами и эффектными женщинами. Как большинство видных мужчин, он сродни нарциссу. Любит и себя, и когда его хвалят. Но на авантюру он не способен! Хотя кто знает этих мужчин, на что они способны? Вон у Каролины, корректора из издательства, на что муж был домашним и покладистым, всё равно не устоял, съехал с катушек. Она ему двоих детей подарила в свои неполные тридцать лет, а он вдруг словно взбесился, бросив семью ради молоденькой продавщицы из супермаркета. Хотя, наверное, Игорь прав: есть такие мужчины, которые боятся женской красоты, есть. Мужчина – трус? Или слишком гордый, опасается фиаско? Иная женщина только и мечтает, чтобы кто-то её приступом взял! Мечтает, но не может показать свою расположенность

ни намёком, ни взглядом. Будто бы воспитанность не позволяет, а невоспитанность говорит: «Что? Да пожалуйста».

Однажды Ирина выбралась во Львов на выставку Олеся Мыкыты и пригласила с собой Дульсинею. Там познакомились с двумя художниками – оба высокие и статные, один брюнет лет под сорок, другой блондин, чуть старше. Они сразу положили глаз на Дульсинею и с неподдельным интересом стали за ней ухаживать: дали свои визитки, пригласили на поэтический вечер. А на Ирину – ноль внимания. Ей даже стало как-то не по себе. Она-то думала, что если пригласят куда-нибудь, то ходит ради подруги. Ну не привыкла Ирина, чтобы мужики её игнорировали! А тут оба, и Влас, и Евсей, чуть ли не на руках носят Дульсинею. И имя их ничуть не смущает. В общем, понятно стало, что оба влюбились в Дульсичку. Такое только в старых советских фильмах случалось, а в наш век... Ирина решила оставить подругу с мужчинами:

– Дульсичка, прости, родная! Мне нужно бежать. Муж сегодня с дачи придет. Запомню я. Обещала ему позвонить, не то без меня зачахнет. Сам, без инструкции, даже котлетку не разогреет.

– Как же так, Ирочка? А я? Я тоже с тобой.

Но Влас и Евсей тут же в один голос закричали:

– Оставайтесь! Мы не отпустим вас, Дульсинея!

– Влас, Евсей! Оставляю вам Дульсичку, – поцеловав подругу в щёчку, крикнула Ирина.

Она помахала им ручкой – и в гостиницу. Хотя есть подозрение, что в мастерскую львовского художника Мыкыты.

На следующий день с утра Ирина зашла в гостиничный номер к подружке.

– Дульсичка, привет! Рассказывай. Кто тебя провожал?

– Оба.

– Как оба? В таких случаях один кто-то остаётся. А тебе кто из них больше нравится? Влас или Евсей?

– Мне оба нравятся!

– Ну, подружка! Ничего себе тихоня! Не было ни одного ухажёра, а тут сразу два! И как оно было?

– Посидели в кафе. Шутили. Хорошие они. Рассказывали много о современном искусстве. Мне было интересно.

– Телефон оставила кому?

– Оба взяли мой номер. Обещали позвонить.

И закрутила-завертела Дульсинею волна свиданий с Власом и Евсеем. Иногда друзья просто приглашали в парк погулять, а то и в театр вместе ходили.

Как-то Дульсинея позвонила Ирине:

– Ира, давай в кафешке рядом с твоей работой пообедаем.

Поговорить хочется.

– Конечно, Дульсичка. В час сегодня, идёт?

– Замётано, – засмеялась Дульсинея.

Ирина опешила. Вот это влияние свободных художников! В речи культурнейшей Дульсинеи появились жаргонные словечки. Что-то дальше будет?

В кафе Дульсинея пришла в модной белой юбке до колен и лёгкой кофточке, на руке браслет от «Пандоры» и ожерелье той же фирмы.

– Дульсичка! Модница!! Как твои художники? «Пандоры» – от кого?

– Браслет от Власа, ожерелье от Евсея.

– Невероятно! Ты что, гуляешь сразу с двумя? И подарки от обоих принимаешь?

Подруги долго обсуждали странную ситуацию с ухажёрами. Ирина никак не могла взять в толк, что замышляют друзья.

– А картины ты их видела? В мастерскую приглашали? Возможно, они никакие не художники. Вдруг они мошенники и просто хотят втереться к тебе в доверие и потом ограбить?

Оказалось, что в следующее воскресенье Влас и Евсей пригласили Дульсинею в свою киевскую мастерскую. Вот это да!

Измученная многолетним одиночеством, Дульсинея никак не могла решить, кто из поклонников ей больше нравится. Оба хорошие. Влас – весёлый, искромётный, знаток поэзии и вина. В ресторане он мог на спор по букету определить марку вина. Евсей, наоборот, был сдержан, скуп на слова, но всё, что он говорил, ей было очень интересно. Весёлый синеглазый Влас и степенный Евсей – два сапога без ботфуртов для Дульсинеи!

Ночами она долго не могла уснуть, вспоминала свою незадачливую жизнь. Что в ней было? Ничего яркого. Была любовь в десятом классе к Димке, и он её любил вроде бы. Пошли в кино, сели на последнем ряду, и как только выключили свет, парень жарко задышал и, лихорадочно тиская её, полез целоваться. Она оттолкнула Димку и убежала из кинотеатра. На этом первая любовь и закончилась. В институте появились воздыхатели, но ей не до них было – учёба всё время съедала. На последнем курсе связалась с аспирантом Валерием. Но со временем отношения сошли на нет, и потом она никогда не вспоминала о нём. Видно, так суждено. Мужики не те попадались, ни в кого не влюбилась. А тут сразу два, и такие интересные, оба нравятся ей. Да ещё туда-сюда мотаться между Киевом и Львовом – чем не романтика!

Накануне визита в мастерскую художников она долго сомневалась: идти – не идти? А вдруг это не мастерская, а ловушка? Проверила через интернет. Нет, всё правильно. Влас и Евсей, художники, мастерская на Владимирской горке, салон во Львове. Позвонила Ирине:

– Ира, как ты думаешь, мне идти в гости к Власу и Евсею?

– А где у вас встреча?

– На Софиевской площади. Посидим в кафе, а потом в мастерскую.

– Дульсичка, иди. Обязательно иди. Думаю, что сегодня всё решится. Мужики должны разобраться. А если нет, предложи им сразиться на дуэли ради Прекрасной Дамы! – за-

смеялась Ирина.

– Это был бы выход, – поддержала шутку Дульсинея.

Перед свиданием она перебрала весь свой гардероб и остановилась на синей юбке свободного покроя и белой блузке, подчёркивающей её фигуру и бюст. Но начала она с нижнего белья: тонкие салатовые шортики и в тон им лёгкий, но плотно прилегающий к телу топик, заменяющий бюстгальтер! Вообще-то она может обходиться и без бюстгальтера! Маленькие радости.

Гуляли втроем на Софиевской площади. «До чего же красиво! – думала она. – Купола храмов! Если бы не эта уродина – гостиница „Хаят“! Зачем её построили в этом месте? Дань времени? Уступка бизнесу? Политиканству?»

– А давайте не будем обедать. Купим мороженого и полакомимся в скверике.

– Оригинально! – подхватил идею Влас.

– Как скажешь, Дульсичка! Я – за, – согласился Евсей.

Они уселись на скамейке и весело болтали ни о чём. Дульсинея не могла избавиться от мысли, что сегодня, именно сегодня что-то должно произойти. И была надежда, что Влас объяснится ей в любви. А вдруг это будет Евсей? Пусть будет Евсей! Или Влас? Но пусть, пусть хоть кто-то из них скажет ей эти заветные слова – «Я вас люблю», как в романсе на стихи некоего Мареева, который она слышала недавно по радио:

«Я вас люблю» – слова не новые,
Их говорили и до нас.

Уже два месяца они втроём гуляют по Киеву, и вот-вот она услышит эти слова. Иначе зачем всё это? Для дружбы? Двое мужчин и одна женщина. Кто-то из мужчин – лишний. А если вдруг они скажут, что она должна выбрать сама? Нет, она не в состоянии этого сделать. Ей нравятся оба.

– Дульсиня, что ты, милая, вдруг прискучила? – засмеялся Влас.

– Не заболела, Дульсичка? – забеспокоился Евсей.

– Ребята, а пойдёмте в мастерскую. Мне интересно посмотреть ваши картины.

Минут десять ходу, потом по крутой железной лестнице куда-то под крышу. Массивная деревянная дверь, за ней мастерская под куполом из стекла. Море света, изумительный вид на лежащий внизу город. И картины, картины, картины. Два мольберта. В углу широкая кровать, покрытая огромным цветастым покрывалом.

– Дульсиня, иди в ванную комнату и прими душ. Полотенце на столике, – произнёс степенным голосом Евсей. Его огромные чёрные глаза смотрели на неё с восхищением.

– Да, Дульсичка! Иди. Мы с Евсеем ждём тебя.

И она пошла. Дверь ванной не стала закрывать. Медленно разделась, осматривая себя в огромном, во всю стену, зеркале. Стройная фигура. Тугие груди с набухшими красны-

ми сосками. Пока стояла под душем, вспомнила всю свою жизнь, скучную и одинокую. «А плевать на всё! Втроём так втроём!» – решила Дульсинея и, завернувшись в махровое полотенце, решительно вошла в студию. Влас и Евсей несколько секунд смотрели на неё из-за мольбертов во все глаза, а потом закричали почти одновременно:

– Дульсинея, ты прекрасна! Взбирайся на стол, и начнём работать!

– Дулься, сбрось быстрее полотенце, пока румянец со щёк не сошёл.

Картина художников Власа Корнецкого и Евсея Ливанова «Дульсинея из Киева» произвела фурор на выставке в Париже и получила первый приз.

– Ирина, а как же сама Дульсинея? – спросил я, выслушав её рассказ.

– О! С ней всё в порядке. Она вышла замуж за винодела из Франции и живёт в маленьком городке недалеко от Тулузы.

– А художники?

– Они продолжают дружить с Дульсинеей и часто бывают у неё в гостях во Франции.

По-своему оценил ситуацию Игорь Ростиславович:

– Конечно, красивая женщина может стать другом мужчины, особенно если он женщинами не интересуется.

В тот же день мы с Ириной Муратовской улетели на море, на Кипр. Ведь нашей дружбе три десятка лет, и разве кто-то

может усомниться в искренности наших отношений?

Хотя такой человек нашёлся. Олесь Мыкыта из Львова, будь он неладен.

Маруся

«Летят гуси, летят гуси...» – напевал Чистюхин. Других слов из народной песни он не помнил. А слово «гуси» рифмовалось со словом «Маруся».

«Ах, Маруся! Ах, Маруся!» – пела душа.

В его жизни недавно появилась девушка. Маруся! Появилась – громко сказать: случилось так, что он ошибся телефонным номером, и ему ответил приятный девичий голосок: «Маруся. Слушаю вас». Потом позвонил ещё раз и ещё раз. И вот уже неделю он, мужчина за сорок, озадачен ею.

И что он знает про девушку? Ту малость, что сама рассказала: двадцати лет от роду, студентка, и всё. Но нет, он знает самое главное: она – кореянка, рост полтора метра и вес сорок четыре кэгэ. Он представил её миндалевидные глаза, раскосые и с влажным блеском. Статуэтка! Представил её учтивую манеру ведения беседы, и сердце от радости зашлось. И вдруг неожиданно для себя он пропел совершенно новые слова:

Ах, Маруся, где ты, где ты?

Над землёй мой зов летит.

Было воскресенье. Чистюхин сидел в потёртом плюшевом кресле и предавался мечтам. Появились сомнения. Если она

корейка, то почему Маруся? Хотя мало ли корейцев живёт в России с давних пор? Многие родились здесь, и имена у них – русские, а языка корейского не знают. А как хорошо она разговаривает по-русски! И какая вежливая! Нет, что ни говори, а восточная девушка, где бы она ни родилась, сохраняет свою особую натуру. Это у них в крови. Покорность, услужливость, почитание культа предков.

И в очередной раз захотелось позвонить далёкой, неизвестной, но уже любимой им Марусе. Набрал номер, но на том конце никто не отвечал. В этот день всё у него валилось из рук. Теперь он и думать не мог ни о чём, кроме как об этой загадочной восточной девушке. Звонил ещё несколько раз, и ничего. Молчание.

«Куда она подевалась? Всегда отвечала», – волновался Чистюхин.

Вечером телефон был всё время занят.

«То не отвечает, то телефон занят», – Чистюхин разволновался.

Наконец ответил приятный женский голос:

– Салон «Афродита». Слушаю вас.

– Какой салон?! Я звоню Марусе.

– Одну минутку.

– Да! Маруся. Слушаю.

– Маруся, это я, Кирилл. Здравствуйте.

После продолжительной паузы последовал ответ:

– Кирилл, что вы хотели?

– Маруся, я хотел бы встретиться.

– Я согласна.

– Завтра в восемь вечера. Пойдёте в кино со мной?

– Что? В кино?! Вы шутите. Приходите к нам. Я зарезервирую время.

И Маруся назвала адрес салона чёрт знает на какой окраине Москвы.

Чистюхин был в недоумении, слушая короткие гудки. Что за салон? И почему раньше не говорила, что работает в салоне?

Со школьных лет Чистюхин был влюбчивым. Уже в первом классе он мечтал о пухленькой девочке Любе. Белокурая, с двумя косичками и с огромными голубыми глазами. Он постоянно думал о ней. И даже тетрадку для рисования подарил. Но однажды увидел, как Любочка, чавкая, уплетает котлетку в буфете. И любовь закончилась. На смену пришла длинноногая и худосочная Настя из параллельного десятого класса. Он долгое время пялился на Настю, боясь к ней приблизиться и сказать хотя бы слово. Весь класс знал о тайной любви Кирилла, и это длилось до тех пор, пока как-то они не остались вдвоём под мостом во время грозы. Настя вдруг прижалась к нему и стала мелко и часто дышать. И эта любовь закончилась ничем. Потом были другие женщины, но к сорока годам он так и не женился. Он был заиклен на возвышенной и чистой любви и платонически мечтал о чистом божестве в образе женщины.

На следующий день он не пошёл в конструкторское бюро, где служил. Взял отгул. С утра погладил выходной костюм, а чёрный галстук с вековечным затёртым узлом развязал и постирал. Взял томик Анны Ахматовой и перечитал стихотворение «Любовь», повторяя наизусть любимившуюся строфу:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует...

Подошёл к зеркалу и оценивающе осмотрел свое отражение: выше среднего роста, остроносый, лоб высокий, серые, глубоко посаженные глаза, седина незаметна на фоне русых волос. Не красавец, но и не уродина. И возраст нормальный: всего на двадцать лет старше Маруси.

Ровно в восемь вечера Чистюхин приехал по указанному Марусей адресу. Над входом висел рекламный щит с улыбающейся прекрасной дамой, выходящей из моря. И надпись «Салон красоты „Афродита“. Работает круглосуточно».

«Вот в чём дело – красоту наводит», – отлегло от сердца.

Открылась дверь, и широкоплечий парень в модном костюме с чёрной бабочкой вежливо спросил:

– Вы по записи?

– Я, собственно, к Марусе. Мы договаривались.

– Значит, по записи. Ваше имя?

Прошли в уютный холл, обвешанный фотографиями го-

лых красавиц. Парень сверил имя Кирилла по компьютеру и предложил рюмку коньяку.

– А Маруся где?

– Подождите минут пять. Она приводит себя в порядок.

И действительно, скоро из боковой двери вышла миниатюрная корейка, а может быть, японка или китайка. Именно такая, какой её представлял Чистюхин: красивая, учтивая, улыбчивая, с потупленным взглядом. О Небеса! Так не бывает. Он почувствовал, как сердце бешено заколотилось, – это была любовь с первого звонка, с первого взгляда!

Из стоящего на полке магнитофона лилась тихая восточная музыка. На душе стало покойно.

Но вдруг с грохотом открылась входная дверь, и в салон ворвался милицейский спецназ. Чистюхина и администратора уложили на пол. Рядом разместили ещё нескольких мужчин, вытащенных из других комнат. Марусю и полуодетых плачущих девиц посадили на пол отдельно.

Лежащий недалеко от Чистюхина верзила, похожий на таджика, всё время икал, что раздражало до невозможности.

«Пусть арестуют, пусть побьют и отпустят, но лишь бы не слышать этого иканья».

Некто в маске с автоматом ткнул ботинком Чистюхину под бок:

– Давай паспорт! Лежать! Я сам возьму!

– Я, собственно... У меня свидание.

– Конечно, свидание! В бардаке! Теперь это называется

свидание. Придурок.

Чистюхина стали обыскивать. Он лежал, задыхаясь от стыда и обиды.

Всех погрузили в милицейский автобус и отвезли в отделение милиции, где посадили в так называемый обезьянник. Толстый и неприятно пахнущий таджик продолжал икать. Впоследствии у него нашли бумажный пакетик с наркотиками и задержали. Остальных, включая Чистюхина и кое-кого из размалёванных девок, выпустили. Марусю, или по паспорту Чен Гы – китайянку, содержательницу притона, а с ней нескольких подружек, китайских подданных, тоже задержали.

Он вышел из отделения милиции и поплёлся к трамвайной остановке. Было холодно. Зима только начиналась. Небо затянули сплошные тучи. Дул промозглый ветер. По бесснежным улицам ветер гнал обрывки бумаги, целлофановые пакеты, пожухлые листья, пыль. Он еле успел на трамвай, видимо, последний. В трамвае было две пары: пожилой забулдыга с женщиной и сидящие на переднем сиденье парень с девушкой, слившиеся в поцелуе.

– Гадость, гадость! Маруся, Афродита! Какие имена поганят! – шептал Чистюхин сквозь слёзы. – Всё – гадость. Жизнь – гадость.

С ненавистью посмотрел на целующуюся парочку: парень русоволосый, а девушка восточного типа. «Ишь, разбирает их. Страсти восточные. Скоро все мы будем с раскосыми гла-

зами».

На конечной трамвайной остановке все вышли. Подвыпивший парень продолжал тискать хихикающую смуглую девицу.

– Свиньи! – громко крикнул Чистюхин.

Парень оторвался от девицы и удивлённо посмотрел на него:

– Что ты сказал? Это ты мне?

Забулдыга с женщиной остановились и молча стали смотреть.

– Тебе, тебе! Тискаетесь на виду у всех. Свиньи!

И он с ожесточением плюнул под ноги парню. Тот, резко развернувшись, пружинисто, как это делают каратисты, ударил Чистюхина ногой в горло. В последний миг своей жизни Чистюхин ясно увидел Марусю – она учтиво улыбалась, зазывая его в салон «Афродита». За дверью струился свет, чистый и нежный восточный свет. В лучах восходящего солнца, словно в сетке, беспомощно трепыхались гуси с утками – столкнулись две стаи, летели пух и перья, ломались крылья, и стояла тишина.

Голые женщины, или Необычные способности Ивана Голощепкина

В воскресенье Иван Голощепкин проснулся от криков пастуха: «Струля, назад! А-а, холера! Куда прёшь, оторва?!»

Затем послышался хлёткий хлопок кнутом. Голощепкин встал и недовольно закрыл форточку – отгородился от шума коровьего стада, возвращающегося с пастбища к обеденной дойке.

«Расшумелся на всё село. Показывает усердие», – подумал о пастухе Новодворском и снова забрался в кровать.

Голощепкин любил поспать с утра. А куда спешить? В селе по воскресеньям не работают. Праздник. Грех работать. А в будний день жена всегда найдёт работу: ты бы воды принёс, ты бы дров нарубил, ты бы, ты бы... «Тыбик» – одним словом, так в деревне его и прозвали. Чуть что – позовите Тыбика, скажите Тыбику... Безотказный Иван всем помогал. И все этим пользовались, начиная от собственной жены и заканчивая Кузьмичом, председателем колхоза. Колхоза давно нет, есть акционерное общество – сельскохозяйственное предприятие на арендованной земле у своих же селян, а директора Кузьмича по привычке продолжают звать председателем.

Настенные ходики отбили одиннадцать. Жены не было.

Видимо, на праздничную службу в церковь пошла. Тамара набожная. Церковные праздники чтит, посты соблюдает, но это ей не мешает ни за что ни про что пилить мужа. Словно пила в неумелых руках мучает крепкое дубовое бревно: шуму много, а толку никакого. Голощепкина ворчание жены особенно не задевало.

В комнате было сумрачно. Мокрая осень – радости мало. За окном моросил нудный дождь, лениво и безостановочно.

Голощепкин слышал всё тот же противный перестук мелких дождинок по карнизу, под который он уснул вчера вечером.

«Ничего не меняется, – подумал он, засыпая. – То моросит, то дождит. Каждый год одно и то же. Слякотная и мерзкая осень. Никуда не пойдёшь. Эх, взять бы удочку да к речке, как летом бывало. А так – целый день маяться».

Загрохотала на веранде дверь. Жена, видимо, вернулась.

«Пришла из церкви, а гремит, словно в клубе на танцах была», – подумал неприязненно.

Тамарка, как её в глаза и за глаза зовут в селе, всё делает громко и шумно. Даже Ивана женила на себе с шумом: пошёл провожать после танцев в клубе, прощаясь у калитки, хотел в щёчку чмокнуть, так она тут же и прилипла к нему: зацеловала. А назавтра всё село знало, что Тамарка замуж за Ивана выходит.

– Как можно столько спать?! Бока не пролежал? Сходил бы в магазин, хлеба нет.

– Не ворчи с утра. Сейчас встану, – не открывая глаза, ответил супружнице.

– Глазки-то открой! Смотри, новую хустку я купила у Матрёны. Муж привёз из города. Но ей не лычит. А мне всё лычит.

В селе живёт немало выходцев из Украины. Отсюда и много украинских слов: хустка – платок, лычит – идёт, значит, к лицу наряд. Голощепкин нехотя посмотрел на жену и от увиденного снова закрыл глаза и даже рукой прикрылся. Перед ним стояла голая Тамарка.

«Может, сплю?» – подумал с опаской.

– Что жмуришься? Не нравится? Или денег пожалел? – вскрикнула Тамарка, да и ещё ногой притопнула.

– Да нет... Я ничего. То есть хорошо, – промямлил Голощепкин.

Тамарка стояла голой. Нет, нет... одежда на ней была. И новая цветастая хустка была. Но под одеждой он видел голую Тамарку. Стройные сильные ноги. А груди-то, груди... Полные, красивые... Соски крупные, розовые. Господи, да он вроде как в первый раз увидел свою жену. Всё остальное ушло в сторону. Ушли в сторону мысли, почему она голая или почему он видит её голой.

– Тома, а может, полежим немного? Иди сюда! Выходной ведь.

– Да ты что, рехнулся?! Средь бела дня! С вечера уснул... А теперь его повело! С чего бы?!

– Да красивая ты больно в этой новой хустке, – нашёлся Голощепкин.

Но она повернулась и пошла из спальни. Голощепкин во все глаза смотрел ей вслед. Белые булочки ягодиц перекатывались под тёмной юбкой, словно зверки живые. Он облизнул пересохшие губы: «Как же так? Я её вижу голой, а она одетая. И не сплю».

Он выглянул в окно и увидел голую старую яблоню и сидящую на ветке нахохлившуюся под дождём ворону. Ворона, словно в ответ на взгляд Голощепкина, громко каркнула и лениво полетела прочь. И тут он окончательно уверовал в то, что с ним что-то произошло. Что он не такой, каким был вчера. Но мелькнула спасительная мысль: «Привиделось». Не дай Бог, если он приобрёл дар видеть людей голыми. Представил, как выйдет из комнаты и увидит голой тещу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.